

ЗОНА МОЛЧУНОВ

ДМИТРИЙ РОМОВ

**ТЕБЯ
УСЛЫШАТ**

ТОМ 2

Зона молчунов

Дмитрий Ромов

Тебя услышат. Том 2

«Автор»

2026

Ромов Д.

Тебя услышат. Том 2 / Д. Ромов — «Автор», 2026 — (Зона молчунов)

Мир перевернулся за одну ночь. Большинство людей стали «молчунами». Военный инженер Михаил Нордов, попавший в эпицентр событий, имеет богатый боевой опыт, он бывал в горячих точках и умеет выживать. Но сейчас задача гораздо сложнее. Ему надо найти секретный объект. Найти и узнать, он ли является причиной разразившегося конца света. Только сделать это непросто. Нужно пройти через всю страну и защитить тех, кто доверил ему свои жизни. А путь предстоит очень непростой. Им придётся вырывать свои жизни в битвах с молчунами, бандитами, бывшими военными. Рискнуть всем, чтобы остановить то, началось практически тридцать лет назад.

Содержание

Глава 1. Эвакуация	5
Глава 2. Хвосты	12
Глава 3. Побег	22
Глава 4. Зона молчунов	31

Дмитрий Ромов

Тебя услышат. Том 2

Глава 1. Эвакуация

Низкий вибрирующий гул пробирал насквозь, заставлял вибрировать всё тело, заполнял мощью и силой. Два вертолётта опустились на полигон. А один, судя по всему, ушёл к штабному корпусу, там была вертолётная площадка, и мы видели её раньше. Сразу начали выскакивать люди в форме, но разглядеть её отсюда не получалось.

— Пойдёмте к ним, — воскликнула Юля. — Это же военные, это же наши.

— Это же наши? — переспросил Шершень и покачал головой. — Я чёт наверно поостерегусь. Не из тех, кто дважды на одни грабли наступает.

— Надо предупредить людей, — сказал я. — Пойдём. Только не по центральной аллее. Аккуратненько. Мимо склада.

— Да почему? — не поняла Юля. — Это же помощь!

— Потом расскажем, — кивнул Шершень и направился следом за мной.

Мы подбежали к складу и я завёл фургон.

— Ты чё, спалимся, — покачал головой Шершень.

— Садитесь, машина может пригодиться, — кивнул я. — Быстренько, быстренько.

Все забрались внутрь. Я газанул. Фонари не включал. Подъехали к санчасти, и я поставил машину с задней стороны, между деревьями, так чтобы её не было видно с центральной аллеи. Из спального корпуса высыпались люди. Крутили головами. Увидев нас, подбежали.

— Так, тихо, народ, — начал Шершень. — Будем отходить. Давайте только быстро, чётко и без суеты.

Но люди разбредались, задавали вопросы, уходили, возвращались. В общем, без суеты не удалось. Если бы мы были одни, успели бы уйти однозначно. Рванули бы не к центральному выезду и свинтили бы. Но сейчас, когда с нами были люди, я не мог просто так их бросить. Мы забежали в санчасть.

— Кум, бросаем этих баранов! — воскликнул Шершень. — Им хоть в лоб, хоть по лбу. Пусть сами выкручиваются, если не соображают. Мы уходим. Народ, давай, погнали!

Он разгорячился, но вдруг оборвал сам себя на полуслове, встретившись взглядом с Любой.

— Ладно, я понял, — кивнул он, нахмурившись и подошёл к окну. — Если назвался паханом, не можешь чисто соскочить и братву кинуть. Пошли тогда, Кум, будем рамсить с захватчиками...

Мы вышли из санчасти как раз в тот момент, когда перед крыльцом собралась группа наших мирных. С двух сторон подтянулись пришельцы. Экипировка у них была хорошая, но знаки различия отсутствовали. Небольшие колонны подошли с двух сторон — с полигона и с вертолётной площадки.

— Внимание! — заговорил высокий крепкий мужик, вероятно, командир. — Я полковник Крамской. В государстве организован «Чрезвычайный Комитет» для устранения последствий катастрофы. Сейчас по всей стране разворачиваются лагеря временного содержания для обеспечения выживших, в том числе, для оказания первой помощи. В них есть тепло, вода, еда, врачи. Пока по стране идёт локализация последствий, все выжившие приглашаются для размещения в эти центры. У нас есть видео, если захотите, сможете посмотреть.

Он кивнул на человека с планшетом.

— Это капитан Курзанцев. У него вы можете посмотреть обращение руководства страны и съёмки из реальных лагерей размещения. Всё делается в интересах граждан! Вы не одни, мы пришли, чтобы помочь! Данный объект переходит под контроль «Чрезвычайного Комитета». Завтра утром сюда прибудет Ми-8 с личным составом, который будет нести службу на территории объекта. Все мирные граждане приглашаются для эвакуации. Ориентировочное время отбытия — семь утра.

— А мы все войдём? — крикнул кто-то.

— Вертолёт большой, берём тридцать человек, максимум сорок. Если не войдут все — будут дополнительные борта. Не переживайте. Сколько вас?

— Все здесь!

— Тогда и говорить не о чем, — кивнул полковник.

— А у нас на ферме здесь неподалёку ещё несколько человек, — сказала одна из женщин. — Их тоже нужно забрать.

— Подойдите к Курзанцеву, объясните ситуацию. Будем решать. Но возможности собирать всех по деревням у нас нет. Пускай приезжают сюда. Или направляются самостоятельно в ближайший центр размещения. Он находится в трёхстах километрах, в Новосибирской области. Там есть аэродром, гидроэлектростанция, рыбное хозяйство, больницы. Там есть энергия, канализация, созданы все возможные условия, чтобы переждать тяжёлые времена.

— Переждать? — воскликнул Шершень. — Походу, гражданин начальник, это нифига не временная катастрофа. Переждать её, пересидеть где-то не проканает.

— Не волнуйтесь, если нужно будет, новую жизнь отстроит. С момента начала катастрофы прошло несколько дней. Уже проведена огромная работа. Руководство страны ночами не спит и работает в кооперации с руководителями других государств.

— А кто из руководства выжил? — спросил кто-то.

— Когда разместитесь в пункте, получите доступ к новостям, и к политинформациям. Будете знать, что творится в мире и в стране.

— А интернет там есть?

— Там есть всё. Вы, конечно, и здесь неплохо устроились, — как бы дружески усмехнулся он. — Но другим людям повезло меньше. Тем не менее, все выжившие приглашаются в лагерь содержания. Организовывается целая сеть лагерей по всей стране, у крупных населённых пунктов. Кто у вас старший?

Все головы повернулись ко мне. Я вышел вперёд.

— Нордов Михаил, — представился я и, подумав, соврал. — Майор инженерных войск. По лицу полковника пробежала тень недовольства.

— Курзанцев, ответь на вопросы гражданским. — Кивнул он и добавил мне. — Отойдём, майор.

Я услышал краем уха как Курзанцева начал пытаться Шершень.

— Мы вот тут были уже в одном лагере, в Ленинске. Это такой же? Там военные отстреливали мирных граждан. Это как вообще-то понимать?

— Мы не армия. Полковник вам объяснил. Мы «Чрезвычайный Комитет», наделённый всей полнотой власти в переходное время.

— А чёт в Конституции ни о каком «Чрезвычайном Комитете» ничё не сказано, — не унимался Шершень.

Дальнейшего я уже не слышал, мы отошли с полковником в сторону и остановились под фонарём. Лицо у него было холодным, с тонкими чертами.

— Майор, ты молодец, — сказал он. — Собрал людей, не растерялся. Военный подход. Это хорошо, ведь ситуация требует чётких действий. Скажу прямо, не для передачи остальным, ситуация пока постоянно ухудшается, появляется огромное количество свежезаражённых.

— У нас есть практически подтверждённая гипотеза о том, как происходит заражение, — сказал я.

— Отлично. Прибудете в центр размещения, доложите медицинскому начальству. Там вас сразу выслушают.

— Погодите, товарищ полковник, мне нужно именно с вами поговорить. Не про лагерь, а про этот объект.

— Некогда разводить говорильню, майор. Мне надо принимать объект под контроль.

— Я могу помочь сориентироваться, — предложил я.

— Хорошо, — поморщился он, будто говорил с малым ребёнком. — Где штаб?

— Штабное здание, — сказал я, — полностью занято молчунами.

— Это ещё кто?

— Заражённые. Это тот корпус, — я кивнул в сторону здания похожего на элеватор. — Учитывая предполагаемую специфику данного научного центра, автономные системы, средства связи, РЭБ, машинное управление — там может быть оборудование, которое поможет установить наличие слабого стабилизирующего сигнала в низкочастотном атмосферном диапазоне.

— Что это за хрень? — нахмурился он.

Я вкратце обрисовал ситуацию, описав её, как гипотезу, не упоминая операцию в Югославии в девяносто девятом, резонансную установку, сбитый самолёт и перенос во времени. Сказал только, что занимаюсь проблематикой фазовых скачков.

Он уставился на меня тяжёлым взглядом. Недоверие и недовольство видно было даже в неярком свете фонаря.

— То есть, майор, ты хочешь мне сказать, что я сейчас должен всё бросить и начать вникать в твою белиберду?

— Смотрите... Как вам объяснить. Мне нужно определить источник излучения, который был перемещён... э-э-э... примерно тридцать лет назад. Он мог дать толчок для...

— Мог дать? — перебил полковник. — Где он сейчас твой источник?

— В Сербии. Если не был перемещён, выключен или остановлен, то до сих пор находится на территории Сербии.

— Румянцев! — крикнул полковник.

К нам тут же подбежал усатый здоровяк.

— Быстро заканчиваем с вопросами мирных, и идём по плану. Личный состав приготовить к инспекции объекта! — скомандовал он и снова повернулся ко мне. — Майор, можешь показать, что здесь к чему?

— Так точно, показать и рассказать всё могу. Но вы послушайте по поводу установки, это важно.

— Я понял, будешь рассказывать по ходу дела. Это что?

— Это столовая. Там чисто.

— Какие запасы продовольствия?

— Вы понимаете важность того, что я говорю? — спросил я, немного раздражаясь.

— Сколько раненых в санчасти?

Я ответил.

— Это ты код доступа передавал? Что значить девятьсот семнадцать?

— У меня протокол. Просто обозначение... В общем, что я готов к получению команды.

— А кому-то это важно? — с сожалением посмотрел он на меня. — Ты Рэмбо, может быть? Или секретный агент?

— Штабной корпус — это вон тот, похожий на элеватор, — вздохнул я. — В нём, учитывая специфику исследовательского центра, может быть оборудование, которое поможет уста-

новить, включён ли источник. Но для этого нужно зачистить здание. И мне нужно ваше разрешение для проведения работ в соответствующей лаборатории.

Он снова посмотрел на меня уже без всякого интереса.

— Зачистим, — кивнул он. — Завтра придёт личный состав, и сразу начнём этим заниматься.

— Товарищ полковник...

— Слышь, майор, — перебил он. — Инженерные войска, да? Ну-ну. Не надо из меня лоха делать. Короче, у меня есть задача. Твои предположения и гипотезы не ко мне. У меня своё начальство, у тебя своё. Обратись по команде. Ты будешь рассказывать что здесь к чему или нам самим разбираться?

Я вернулся в санчасть глубокой ночью. Зашёл в небольшую столовую. Налил давно остывший кофе и сделал несколько глотков. Подошёл к окну. По аллее прошёл вооружённые патруль. С дисциплиной и контролем у комитетчиков всё было чётко.

К санчасти торопливо шёл Шершень. Он увидел меня в окне, кивнул, застучал каблуками по коридору и вошёл в столовую.

— Не спишь, Кум?

— Не сплю, Кума.

— Э-э, ты поосторожней с кумой, — ощерился он.

— Ладно. Откуда и куда?

— Да там... скорешился, короче с одним вертухайчиком. Покурили, за жизнь малость перетёрли. Интересные вещи рассказывает. Кофейку не осталось?

Я отдал свою кружку.

— Он говорит, типа, лагерь — это реальная тема и что он сам там был. Точняк, всё как полкан набрехал. Жратва, размещение, не в одиночках, конечно, но и не в палатках. Корпуса стационарные, есть больничка, даже электричество включают. Но, говорит, если этот триндец за полгода не кончится, тогда амба, всё рухнет нахрен. Людей везут, а ресурс не прибывает. Постоянно вспышки, типа народ каждую ночь обращается. Новый народ подвозят, но...

Он достал сигарету.

— Здесь не кури.

— Да я в окошко.

Он открыл форточку и выдохнул.

— И ещё, типа по секрету, — добавил Шершень. — Он говорит, типа у «Комитета» этого непонятки и тёрки с армией, кто главнее и у кого власть.

— А официальные власти?

— Думаешь, солдатик этот всё знает, что ли? — пожал плечами Шершень. — Ночью, кстати, отправили тачку на ферму за теми работягами. Но чёт походу, никто пока не вернулся. Накрылась идея со свинарником...

Начали подтягиваться наши. Минут через пять собралась вся наша маленькая банда. Леночка только спала. Остальные пришли все.

— Почему не отдыхаете? — спросил я.

— Да как тут отдыхать, видишь какие дела творятся? — развела руками Люба.

— Короче, лагерь реальный под Новосибиром, — сказал Шершень — Стоит на реке, у плотины. И типа молчунов нет.

Все замолчали и вопросительно уставились на меня.

— По-моему, дело ясное, — хмуро сказал я и обвёл собравшихся взглядом. — Надо отправляться в лагерь. В любом случае, даже если бы мы остались здесь, нас всё ещё мало, чтобы выжить. Мы бы продержались, но это неважно, нас отсюда выгоняют. Поэтому, исходя

из того что вижу и слышу, считаю оптимальным отправиться в этот лагерь. Для Леночки там учёба наверняка будет организована, сверстники. Всё наладится, друзья. Прошло ещё слишком мало времени. Всё будет хорошо.

— А ты? — спросила Ирина.

— А я... останусь здесь, — кивнул я. — Мне надо воспользоваться оборудованием, которое здесь имеется. Возможно, это поможет разобраться с тем, что происходит.

— А ты? — повернулась Ирина к Шершню.

— Я-то? — Он обвёл взглядом всех и остановился на Любе. — Я-то, братья и сестры, на лагерь в своей жизни наглядился. Больше не хочу, хватит. Я с Кумом останусь. В лагерь любому мне путь заказан.

— А если не разрешат остаться? — нахмурилась Люба.

— На нелегалку перейду, чё, — он усмехнулся. — Не горюй, Люба, увидимся. В шесть часов вечера после войны.

Люба, похоже, не поняла про что говорит Шершень, но едва заметно покачала головой.

— То есть, — спросила у меня Юля, — тебя они оставят?

— Не факт, — сказал Шершень. — Не факт, что Кума оставят. Видала, как на него полкан смотрел?

— А если нет? — не сдавалась Юля.

— Тогда пойду дальше, — кивнул я.

— Куда дальше?

— На Москву...

В Москве был оперативный штаб операции. В Москве был исследовательский центр, к которому я был прикреплён. В Москве про «Рубеж» знали гораздо больше, чем здесь. По крайней мере, тридцать лет назад. Может, дело и не в «Рубеже», но это надо было проверить. В Москву, опять же, должны были прийти все наши ребята из группы. Если, конечно, не остались в девяносто девятом. Ну, а если остались... может, кто-то из них был ещё жив. И это было бы даже лучше. Наверняка их можно найти. Но там, а не здесь.

— О! Кум, я с тобой! — хлопнул меня по плечу Шершень.

— Полегче, брателло, — поморщился я.

— Сорян. Кстати, молодец, что фургончик с краешку поставил.

Повисла неловкая тишина, стало слышно пощёлкивание и позвякивание лампы дневного света.

— Абрам, ну а ты чё? — спросил Шершень у Троцкого. — Женщин и детей не спрашиваю, тут всё ясно.

— Лагерь для беженцев — это место для женщин, да? — едко встала Люба.

— Цыпа! — широко и искренне улыбнулся Шершень. — Это не лагерь для беженцев. Это новая жизнь. Место, где можно жить.

— Сам ты Цыпа, — зыркнула она на него и отвернулась.

— Девчата, за вами Абрам присмотрит. Он там большой шишкой станет. Будет вам икру отгружать. Абрам, ты уж не забывай девчат наших, когда поднимешься по своей инфекционной лестнице.

Эдуард Борисович насупленно молчал. Было непонятно, как он относится ко всей этой ситуации.

— Абрам, ну скажи хоть слово.

— А что тут скажешь, общие беды сплачивают коллектив, — произнёс он и замолчал. — А мы с вами уже пару пудов соли через себя пропустили. Но если подойти рационально, Михаил прав. Нам нужно перебираться в лагерь. Здесь шансов гораздо меньше. А за стеной этого объекта их практически ноль. За стеной смогут выжить только такие, как эти двое.

Он кивнул на нас с Шершнем.

— Миша, — сказала Ирина тихо, — у тебя рёбра, у тебя нога...

— Нога уже почти не болит, — соврал я. — А рёбра рано или поздно сростутся. Не так, так этак.

— Ну, будет кривенький Куманёк у нас, — усмехнулся Шершень. — Зато живой. Плохонький да свой. Найдёт центр принятия решений, всё порешает, всех спасёт-на. А Абрам в Новосибире вакцину сочинит. Там же Академгородок. А когда всё закончится, мы приедем в Северное и будем бычков *ростить*.

Никто не засмеялся. До утра все просидели в столовой. Спать никто так и не пошёл.

А утро началось рано и громко. С грохота вертолётов. Прилетел большой Ми-8. Из него высыпала толпа бойцов «Чрезвычайного Комитета». Перед спальным корпусом громыхал голос полковника, усиленный мегафоном.

Он просил всех гражданских лиц выйти на аллею. Просил вежливо, но очень настойчиво, скорее приказывал. К корпусу подогнали автобус, на котором мы перевозили народ с фермы.

— Ну что, девушки-красавицы? — сказал Шершень. — Давайте прощаться, а то на автобус опоздаете. Ленка!

Леночка, вошедшая в столовую, посмотрела на него в изумлении.

— Мишку не забудь!

Она глядела на Шершня не моргая.

— Какая тебе Ленка? — засмеялась Люба. — Она Леночка, да, Леночка?

Леночка не ответила. Посмотрела на всех, обвела взглядом и показала Шершню медвежонка, которого держала за спиной.

— Ну всё, теперь я спокоен, — разулыбался Шершень и подмигнул девочке. — Мишка в надёжных руках.

В это время очень низко над объектом пролетело несколько вертолётов. Они пронесли над нами и улетели.

Мы вышли из здания с вещами, с продуктами, с тем скарбом, который имеет свойство накапливаться быстро даже в самых походных ситуациях. У спального корпуса шла посадка.

— Пойдёмте, а то потом бегать, догонять, — сказал я.

— Так ты мне не рассказал, — покачала головой Юля, подойдя ко мне. — Что ты за такой друг моего папы, который чуть старше меня по возрасту. И маму мою помнишь. И папу... Миша Нордов, человек-загадка...

Она помолчала, а потом грустно добавила:

— Ладно, не пропадай. Даст Бог, увидимся...

Юля отошла в сторонку, отвернулась и стала ждать остальных.

— Не люблю прощаться, — хмуро сказал Шершень. — Короче, нормально всё будет, не парьтесь. Живы будем, не помрём. Давай, народ, братья и сестры, Бог с вами!

Ко мне подошла Ирина.

— Береги себя, — сказала она и протянула две коробки с ампулами и упаковку с одноразовыми шприцами. — Прибери это.

— Что это?

— Обезболивающие и антибиотики. Нам-то уж особо не пригодятся, мы на гособеспечение уезжаем. Ладно, Михаил... Будь здоров... Хороший ты парень. Хорошо, что в больнице нашей оказался

Она грустно улыбнулась, поднялась на цыпочки и чмокнула меня в щёку. А Леночка в это время взяла меня за руку.

— Пока, Ленок, — кивнул я. — Следи за мамой своей.

Она отпустила мою руку и подошла к Юле, а к полковнику, стоявшему у автобуса, в этот момент подбежал Румянцев и начал что-то взволнованно докладывать.

— Эх, Люба-Любонька! — сказал Шершень и вальяжной походочкой подошёл к Цыпе. Он чуть наклонил голову, прищурился и посмотрел на неё с улыбкой.

— Ну, а дальше-то чё? — хмуро кивнула она — В песне-то твоей что дальше? Не дав ему опомниться, она обняла его и поцеловала в губы.

— Слышь, Кум, — усмехнулся Шершень, когда она его оттолкнула, — походу, придётся тебе одному справляться.

Все засмеялись, и Люба засмеялась. Засмеялась и хлопнула его по плечу.

В этот момент снова раздался грохот моторов, наполнивших округу глубокими низкими вибрациями. Три вертолётá прошли над нами низко-низко.

— Это армейские, — сказал я, прищурившись.

Чекисты забегали. Что-то происходило. Вертолётá пошли на новый круг.

— Так, быстро заканчиваем! — закричал полковник. — Заканчиваем посадку! Бегом!

Раздался выстрел. Из вертолётá пустили ракету. Она ушла за территорию. Где-то раздалась автоматная очередь.

— Не стрелять! — заорал полковник.

Автобус дёрнулся и поехал в сторону полигона.

— Э! — заорал Шершень и пронзительно свистнул. — Шеф, погоди!!!

Но шеф не погодил, а в стороне главного КПП раздался взрыв.

— Твою мать! — воскликнул Троицкий.

— Так, быстро в микроавтобус! — скомандовал я. — Сейчас их догоним!

Все бросились за мной к фургону, стоящему за углом. Я вскочил за руль, завёлся, дождался пока все забросят веди и заберутся внутрь. Начал сдавать, глядя в зеркало и резко тормознул. По аллее неслись наши броневые автомобили с бойцами «Чрезвычайного Комитета». Дождавшись, когда они пронесутся, я выехал на аллею. Развернулся и рванул за броневиками в сторону полигона.

— Чё за кипишь? — процедил Шершень. — Нездоровая тема, Кум... Точно говорю, нездоровая...

Сзади раздался ещё один взрыв.

— Крепко закусились в верхах, — покачал Шершень головой. — Походу, «Комитетчики» рамсы попутали, а нам под раздачу...

Впереди послышалась стрельба.

— Кум, поднажми! — закричал Шершень и показал вперёд.

Но я и сам видел. Здоровенный и неповоротливый Ми-8 начал подниматься над полигоном, а из-за нашей спины, низко прижавшись к земле, летела тройка армейских вертолётóв.

Шершень заметался, нажал на клаксон, вылез в окно, начал махать зависшему между землёй и небом транспортнику.

— Жди!!! — заорал он вертолётóу. — Жди, падла!!!

Вертолёт никак не улетал.

— Увидел! Увидел! — радостно закричал Шершень. — Смотри! Не улетает! Ждёт!

До полигона оставалось уже всего ничего, когда стихшая было стрельба послышалась снова.

— Жми! Жми! Кум! — закричал Шершень.

И я нажал. Нажал и тут же резко ударил по тормозам. Из боковой улицы на нас неслась толпа молчунов. И в них было что-то новое.

Глава 2. Хвосты

Перед нами была не огромная орда, а стая примерно в сорок голов. Они вышли из боковой улицы и остановились.

— Чего ждём? — прищурившись, спросил Шершень не то у них, не то у меня.

Я не ответил. Моё внимание было приковано к высокому, жилистому и худому молчуну. Он выделялся ростом и комплекцией, возвышаясь над остальными почти на голову. Но не это было главным. Он повернулся к нам, и как бы... посмотрел на нас. Посмотрел!

— Ты понял?! — присвистнул Шершень. — Он смотрит на нас, что ли?

Действительно, глаза у него не были такими мутными и подёрнутыми белёсой плевой, как у остальных, и складывалось ощущение, что он на нас именно смотрел. А потом потянул носом, будто принюхался.

— Фига се... — протянул Шершень. — Да он у них типа пахан в натуре.

Я не ответил, продолжая наблюдать за паханом. Он напоминал вожака волчьей стаи. Посмотрел, понюхал воздух и медленно отвернулся, глядя вперёд, где метрах в ста остановилось несколько комитетчиков, небольшой отряд. Увидев стаю, они замерли и ошетились стволами автоматов.

А вот что произошло потом, я не понял. Вернее, не понял, как это было возможно. Не было никаких жестов, никаких команд, никаких сигналов. Должно было что-то подействовать, как детонатор, но я ничего такого не заметил. Тем не менее, молчуны бросились в атаку на чекистов. Одновременно, как косяк рыб. Комитетчики сразу заорали и открыли пальбу.

По правому борту ударили две пули.

— Твою мать, куда шмаляете, фраера?! — заорал Шершень.

Сзади, в районе КПП, снова грохнул взрыв и послышались пулемётные очереди. Над нами пролетел армейский вертолёт. Шёл максимально низко, заставляя дрожать землю. Но «пахан» не обратил на него ни малейшего внимания. Он был сосредоточен на парнях с автоматами.

— Уходит, смотри, уходит! — крикнул Шершень, показывая вперёд.

И действительно, другой вертолёт, уносивший гражданских в лагерь, большой и неповоротливый Ми-8, начал медленно подниматься вверх. А там, где он только что находился на полигоне, загремели взрывы. Ещё одна пуля ударила в борт.

— Погнали! — заорал Шершень. — Погнали!

Я рванул с места и крутанул налево, в боковую улочку, уходя от выстрелов автоматчиков и пытаясь объехать начавшийся замес чекистов и молчунов. Нужно было выиграть хоть немного времени. Хотя, ехать на полигон смысла уже не было.

— Народ, вы как? — спросил я, крикнув через плечо.

Шершень, посмотрел назад. Все притихли, затаив дыхание, сидели на полу среди тюков и вещей.

— Будем уходить, — выдал я окончательный вердикт и проскочил поворот, который мог бы ещё привести нас на полигон. — Там есть выезд.

Я разгонял Volkswagen и старался увести его подальше от линии огня.

— Ого, Кум, это чё! — через минуту воскликнул Шершень, указывая вперёд.

Мы летели в сторону западного КПП, и я уже сам видел, что здесь тоже всё пошло не так, как задумывалось. На дороге валялись тела молчунов и комитетчиков. Заварушка была жёсткой.

— Смотри, какой кентяра! Вон, в шахрае комитета!

У ворот находился человек. Голова, грудь, форменная одежда были — залиты кровью. Он еле стоял у ворот. Увидев нас, вытянул огромный засов и толкнул створки и чуть не упал.

— Пали, слева! — выкрикнул Шершень.

Я глянул налево. Там, пока ещё вдалеке, бежали молчуны, а позади них шествовал вожак. Такой же, как и тот, высокий и жилистый, ещё один пахан.

Ворота открылись, и мы рвались за периметр. И я резко тормознул, глянув в зеркало. Этот парень в чёрном, как подкошенный упал на асфальт. А сзади к нему летели молчуны.

Я переломил рычаг, резко сдал назад и снова ударил по тормозам.

— Эдуард, дверь! — рявкнул я. — Сдвигай!

Эдик подскочил к двери и рванул её в бок. Шершень открыл свою дверь. С матом и недовольством выскочил он из фургона, подхватил окровавленного парня и вместе с Эдуардом затащил внутрь.

— Ходу! — крикнул я, вжимая газ в пол.

Фургон рванул, а сзади на него посыпались удары, догнавших нас молчунов.

— Жми, кум, жми! — закричал Шершень.

Мне объяснять не нужно было. Я и так делал всё, что было возможно. Мотор надсадно заревел, увозя нас дальше от КПП. Бетонное полотно внезапно кончилось, и началась мягкая земляная дорога, поросшая травой, даже не дорога, а широкая тропа. Машина пёрла уверенно. Молчуны, естественно, отстали, а мы неслись, подскакивая на кочках, на ухабах, на корнях деревьев.

— Всё, хорошо, притормози, — произнёс Шершень через некоторое время. — Уже не догонят.

Я чуть сбавил и поехал спокойнее.

— Капец, — покачал он головой. — А паханы-то в натуре на амбразуру не бросаются, да? Ты просёк?

— Как они это делают, не понимаю, — ответил я. — Слишком мало материалов наблюдения. Да, Эдуард Борисович?

Троцкий не ответил. Вместе с Ирочкой они возились с раненым.

— Что с ним? — спросил я через пару минут.

— Возможно, контузия, — крикнул Эдуард. — Рассечена бровь, кожа на черепе, поэтому очень много крови. Но переломов вроде нет. Ран тоже. Посмотрим, как будет развиваться. Надеюсь, обойдётся.

Мы ехали ещё минут пятнадцать и свернули на лужайку, не доезжая большой дороги. Место хорошо просматривалось и казалось просто волшебным. Молодая изумрудная трава, далёкие деревья, обступившие поляну, яркое чистое небо над головами — это было настоящим чудом. Ещё и кузнечики чуть стрекотали, обсуждая друг с другом накатывающий зной...

Раненого перебинтовали, уложили и оставили в покое. В сознание он пока не приходил.

— Ну что, брат и сестры, — развёл руками Шершень, оглядывая всю нашу компанию. — Походу, не удалось вам от нас оторваться, да? Видать судьбинушка у нас такая.

— Ничего, — сказал я. — До Новосибирска километров триста. До центра размещения своим ходом доберёмся без вертолётгов. Так, может, ещё и надёжнее будет. Только для начала нужно смотаться на ферму.

— Нафига на ферму? — возмутился Шершень. — Посмотри, ты уже вон этого доходягу взял. Ладно, он хотя бы, скоро кони двинет. А что мы с теми-то будем делать? У нас места вообще нет свободного.

— Там хоть какие-то шансы у людей есть, — сказал я. — А представь, они сейчас приедут на объект, а там такое. Это же всё, сразу конец.

— Да там на ферме уже все, может, позаражались.

— Может быть, — сказал я. — А может, и нет. Если что, на ферме техники хватает. Если захотят двигать на Новосиб, пойдём колонной. Ещё надёжней будет.

— Надёжней, да!

— Николай! — с укором воскликнула Люба. — Чего опять?
Шершень поморщился.

— Молчу, молчу, Любовь... Моя... Будь по-вашему, братья и сестры. Подчиняюсь не отсутствию здравого смысла, а духу гуманизма и, конечно же, любви. Спасибо, Люба, что напомнила о природе человеческой.

Он повернулся к окну и замолк. А я направил наш ковчег в сторону фермы. Проехав через Северное, мы свернули туда. Навстречу нам по пыльной дороге медленно двигалась корова, а следом за ней семенил телёнок.

— Смотри! — внезапно гаркнул Шершень, и в радиатор влупился молчун.

Машина колыхнулась, подпрыгнула и, перебравшись через него, пошла дальше. На большом дворе людей не было. Но я заметил несколько свежих трупов, появившихся после того, как мы были здесь в последний раз. Я вывернул к управе.

— Куда?! — закричал Шершень.

— Тихо, тихо, Николай Петрович, не кипишуй, — сказал я, внимательно рассматривая двор. — Глянь, имеем троих молчунов. Без жокаков...

Они неслись прямо на нас. Я выключил двигатель. Наступила тишина. Они сделали несколько шагов по инерции и остановились...

— Старые добрые простофили, — усмехнулся Шершень. — Все б такими были.

Он опустил стекло, поднял пистолет и выстрелил.

— Дикий Запад, — сказал он. — Три ноусера.

Мы подождали. Никто на звук выстрела не прибежал.

— Возможно... — произнёс задумчиво Эдуард и замолчал.

Я обернулся, посмотрел на него. Волосы у него были всклокочены, стояли дыбом, а сам он хмурился, соображал.

— Говори, Абрам, — окликнул его Шершень. — Не держи дерьмо в себе.

— Возможно, — не обращая внимания на Шершня, снова сказал Эдуард, — существуют различные стадии. Начальная, продвинутая, финальная... Надеюсь, до полноценного включения мозговых функций дело не дойдёт. Иначе нам придётся туго...

— А сейчас прям так легко, — хмыкнул Шершень.

— Сядь за руль! — кивнул я ему и открыл дверь.

— Эй, ты куда?! Кум! С ума сошёл?!

— Прикрой! — ответил я, осматриваясь по сторонам. — Не теряй бдительность.

— Сиди, Николай Петрович! — воскликнула Люба и подобралась ко мне сзади. — Я поведу. Только мне тоже пистолет дайте...

— Эх, любовь, любовь, — усмехнулся Шершень. — Как говорится, какая женщина, мне б такую.

— Не вывезешь, Николай Петрович, — кивнула она.

Я аккуратно спрыгнул на землю, поморщился и зашёл в здание управы. Прошёл по коридорам, спросил, есть ли живые. Никто не отозвался. Вернулся в фургон. Мы проехали до коровника, проверили свинарник, гараж и общагу. Никого из выживших не обнаружили.

— Меня надо слушать было, — покачал головой Шершень.

— Зато теперь мы знаем, что не бросили людей, — ответила ему Люба.

— Склоняюсь перед твоей мудростью, — скривился он. — О, Кум, смотри какой «Урал»! Перед гаражом стоял здоровенный грузовик с кунгом.

— Вот это песня, не то что наша колбаса. Может, пересядем?

— Жрёт дофига, — ответила Люба. — Да и заметнее. Мы же не в тайгу уходим. Нам в Новосиб, а туда на нашей колбасе сподручнее.

— Пожалуй, — согласился я, хотя, конечно «Урал» был куда серьёзней нашего «Фолькса».

Шершень вздохнул.

— Ну всё, любимая. Уезжаем.

— Гляньте, что это там?! — воскликнула Люба и направила машину в сторону, где за кустом торчал хвост небольшого крытого прицепа.

Завернув за буйную поросль шиповника, мы увидели «Гелендваген», врезавшийся в кирпичную стену небольшого склада. Под колёсами лежало несколько раздавленных молчунов, один из них шевелил головой и щёлкал челюстью, но выбраться из-под смятого кузова шансов у него не было. Стекло машины было разбито, а водитель, сидевший за рулём... в общем, его можно было отскрести от кирпичной стены.

— Как он так разогнался? — проговорила Люба.

— Это же Коловрат, — хмыкнул Шершень. — Видать, падла вернулся, когда все свалили. Ну-ка, прикрой, братва. Я посмотрю, чё он там притырил, да прицеп загрузил.

Мы вышли.

— Полезные вещи! — воскликнул Эдуард Борисович.

Там были канистры с топливом, охотничье оружие, патроны, ящик с инструментами, несколько аптечек.

— О, карты! — воскликнула Люба, хватая пачку бумаг и листов. — 1986 год!

— Продукты! — сказал Эдуард. — Ого, коньяк, копчёная колбаса.

— А это что такое? — нахмурился Шершень и потянул к себе большой чёрный пластиковый пакет. — Чё за расчленёнка?

Он раскрыл мешок, наклонился, замер. И потом вдруг захохотал.

— Глянь, братва! — воскликнул он, оборачиваясь. — Ну, насмешил Коловрат. Ну и дятел в натуре.

Он сунул в мешок руку, схватил что-то и резко подбросил вверх. Это были деньги. Купюры разлетелись, как весёлые новогодние конфетти.

— Обалдеть! — удивилась Люба, и все дружно засмеялись следом за Шершнем.

— Надо их оставить, — сказала Юля, стоя в дверях фургона. — Когда будем где-нибудь брать, какие-то вещи, оставим деньги.

Все засмеялись.

— Да, пусть будут, — хозяйственным тоном заявила Люба. — Мало ли, ребята. Деньги пока выбрасывать не надо. Вдруг ещё всё наладится...

Все помолчали

— На худой конец, — вздохнула Юля, — если будем замерзать — начнём их жечь.

Мы перецепили прицеп к своему фургону и двинули дальше. За руль села Люба.

— Ну что, на Новосиб? — спросила она.

— На Новосиб, — кивнул я.

Она полистала карты.

— Вот смотрите... Новосибирск здесь... Проще всего вернуться на шоссе.

— Нет, поедем маленькими и пустынными путями, там, где меньше населённых пунктов, а стало быть, меньше вероятность нарваться на молчунов или каких-нибудь Коловратов.

— Согласна, — кивнула она. — Тогда вот сюда, на Колпино.

Я посмотрел на карту.

— Да, верно. Хотя вот тут мост.

— Ну мост, да мост, что такого? — пожала она плечами. — Погнали, ребята. Чего здесь торчать?

— Стойте, стойте, — воскликнула Ирина. — Раненый очнулся.

Ему помогли сесть, он привалился к задним дверям, взял в руку бутылку минералки и обвёл всех подозрительным взглядом.

— Вы кто такие? — тихо спросил он.

— Мы-то? — ответил Шершень. — Супер братья Марио, а ты кто такой?

— Я сержант Прокудин. Я где, вообще?

— Среди живых, Прокудин, — ощерился Шершень. — Ты нам ворота открыл, забыл?

— Давно всё закончилось?

— А мы не знаем, закончилось или нет, — пожал плечами Эдуард. — У вас что-нибудь болит?

— В смысле? — не понял он. — Как не знаете? Слышно же, что не стреляют...

— Мы уехали с объекта...

— Вы что, меня увезли с собой?! — резко воскликнул он и попытался вскочить. — Меня же в дезертиры запишут!

— Слышь, братан, — покачал головой Шершень. — На тебя орава этих тварей летела. Забыл? Мы тебя у них буквально из-под носа дёрнули. Так что вообще не удивлюсь, если там у вас уже все того. Кирдык.

— Что за дичь! — резко ответил Прокудин.

— Да ладно, гражданин начальник, не кипишуй. Скажи спасибо, что доктора тебе флягу замотали. А то побежало из неё. Расскажи лучше, что за базар-вокзал. Откуда вся эта свора появилась? Всё ж чисто было.

— Они вынесли дверь из штабного корпуса, — нахмурившись, сказал Прокудин.

— Как это вынесли? — удивился Шершень.

— Да хрен их знает, взяли и вынесли, — с раздражением ответил сержант.

— Возможно, шума много стало, — почесал затылок Эдуард. — Это их заставило консолидировать усилия. Хотя... немного странно. Возможно, как-то спонтанно вышло...

— Их паханы заставили, — недобро усмехнулся Шершень. — Я отвечаю. Начальник, а ты видел там альфачей? Конкретные такие, паханы, короче. Абрам, разъясни за альфачей.

— Потом расскажем, — махнул рукой Троицкий.

Прокудин закрыл глаза и замолчал.

— А потом же армейские прилетели, — вдруг воскликнул он. — Там тёрки за объект пошли. И эти как раз вырвались из штабного корпуса. Их там было голов двести, если не больше. Но я сам видел только несколько.

— Так их армейские и выпустили! — безапелляционно заявил Шершень. — Стопудово!

— Да как? Они же на вертушках кружили!

— Значит, ваши!

— Ты думай, чё несёшь! — обозлился сержант. — Мы дежурили с парнями на западном КПП. Кстати, а где там Юрок и Валик?

— Да походу... это их тела мы там и нашли, — кивнул Шершень. — С оторванными... Ну, в общем, нашли и точка.

— Мне нужно на объект! — твёрдо отчеканил сержант и поморщился.

Ирочка покачала головой и глянула на меня, как бы говоря, что пациент не в себе.

— Короче, если хочешь, до поворота можем тебя докинуть, да Кум? — кивнул Шершень.

— А там лесом за часок до базы дошкандыбаешь. Но я тебе так скажу, пока мы тут туда-сюда мечемся, ловить там будет нечего. Нет больше объекта, вот и всё. Ты лучше скажи, как человек, приближённый к начальству, чё там ваш полкан заливал про лагеря мирной жизни?

— А вы кто такие вообще? — окинул на нас мутным взглядом Прокудин.

Компания у нас была разношёрстная, что и говорить.

— Мы мирные граждане, — сказал я. — Вывозим женщин и детей. Крамской ваш обещал нас в лагерь доставить, но улетел без нас.

— Он не улетел, только транспорт отправил, — твёрдо сказал раненый.

— Ну и что там за лагерьёк пионерский? — не сбиваясь с темы, продолжил Шершень. — Чё по чём, хоккеей с мячом?

— Лагерь, как лагерь, — пожал плечами Прокудин. — Общаги, казармы. Кого куда распределяют. Еда есть, вода есть, медикаменты — пока тоже. Только в первую же ночь там половина обратилась. Ещё половину оставшихся заразили на следующий день. А потом ещё привезли несколько машин с новичками. Если будет столько прибывать, места точно всем не хватит.

— Столько уже не будет, — уверенно сказал Эдуард. — С каждым днём живых людей будет всё меньше.

— А ты по жизни кто? — спросил Шершень, пристально разглядывая Прокудина.

— По жизни я пожарный, — пожал тот плечами.

— Пожарные нам нужны! — усмехнулся Шершень. — Да, братья и сестры, нужны нам пожарные? У нас, мил человек, у каждого в душе знаешь, какой пожар бушует. Заливать запарисься...

Мы поехали дальше. Я сел на спальник на полу рядом с Юлей. Она чуть кивнула и едва заметно улыбнулась. Рядом с ней сидела Леночка. Сначала сидела, потом опустилась, положив головку ей на колени. Юля осторожно провела рукой по её волосам и улыбнулась открыто и широко.

— Скоро всё устроится, — тихонько сказала она. — Скоро уже приедем...

Ирина находилась рядом с Прокудиным. Она бросала тревожные взгляды на дочь, на меня и на Юлю. В основном молчала, хмурилась и изредка коротко переговаривалась с Эдуардом.

— Ирочка, — вздохнул Троцкий. — Не переживайте вы так. Мы же живы, всё необходимое есть. К вечеру приедем в лагерь. Всё наладится. В конце концов, всё всегда налаживается.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, будто ожидая подтверждения, но я только подмигнул и чуть кивнул. Посмотрим... Посмотрим...

Часа два мы шли без проблем, останавливались на обед и по надобности, кому требовалось, находили безопасные места. Дорогу выбрали почти просёлочную. Это удлинило маршрут раза в два, так что к Новосибирску мы должны были подрулить только вечером. Но зато молчунов почти не встречали, лишь рядом с деревнями, которых на нашем пути было раз-два и обчёлся. В одной деревне даже заправились, скачав топливо прямо из цистерны бензовоза.

— Жалко, цистерну с собой не взять, — покачал головой Шершень.

Из живых людей мы не встретили никого. Возможно, если и уцелели — прятались. Мы, собственно, никого не искали. Ехали и ехали по лесам да полям. Голубое небо, просторы, чистая зелень действовали успокаивающе.

— Сейчас за тем пригорком будет мост, — сказал я, разглядывая карту.

За рулём сидел Шершень. Я перебрался на переднее сиденье и сидел сейчас вместе с Любой, склонившись над картой.

— Слышь, кум, ты там девчонку мою не лапай, ты понял? — бросил Шершень.

Когда я глянул на него, он засмеялся, поднял руку.

— Да ладно, ладно. Тебе-то верю. Себе не верю, а тебе верю.

— Разговорился ты что-то, — усмехнулась Люба. — Рули давай. С моста не навернись.

Мы выскочили из-за поворота и действительно увидели мост. Увидели и остановились. Мост был тот ещё, одно название, просто маленький настил через узкую речку, почти что ручеёк. Правда, берега у этого ручейка были крутыми, так что проскочить без моста шансов не было.

— Ну и кто накаркал? — процедил сквозь зубы Шершень и сплюнул в окно.

Все молчали. Мост перекрывал здоровенный лесовоз. Переднее левое колесо у него свесилось с моста над речушкой, задние колёса длинного прицепа стояли на берегу. Рядом валялось несколько здоровенных брёвен.

— Приехали, — покачал головой Шершень. — Стоп-машина. И чё теперь?

— Пойдём глянем, — сказал я. — Может, получится отогнать.

Мы вышли из фургона, подошли к мосту. Шершень прошёл вперёд, я двинул за ним. Он подошёл к кабине, поднялся на подножку, заглянул в окно и резко отшатнулся. В тот же миг в стекло ударила голова молчуна.

— Тыфу сука, чухан, в натуре! — выдал скороговоркой Шершень и сплюнул вниз в реку.

Он постоял немного, мотая головой, потом заглянул в кабину.

— Походу, напарник проснулся в плохом настроении, — зло усмехнулся он. — Ты б видел, чё он с машиной сделал. Он в ремне запутался, не может вырваться... Ну давай, Кум, полезай, отгони. Ты ж хотел отогнать, да?

Я помолчал. Покрутил головой. Местность была открытой, и никакой опасности я не заметил, но соблюдать осторожность нужно было всё равно и без острой необходимости не стрелять.

— Не хотелось бы шум поднимать, — сказал я.

— Так давай голыми руками его завали! — усмехнулся Шершень. — Давай, чё ты там стоишь!

— Можно разбить стекло, — предложил я и прошёл вперёд. — Он кинется и тогда...

Вдруг мост под нами дрогнул и я не договорил.

— О-ба! — воскликнул Шершень. — Чё за на?

— Давай-ка, Николай Петрович, — сказал я, мгновенно остановившись. — Не прыгай только. Аккуратно слезай.

Раздался громкий и мощный треск.

— Охренеть, Кум!!!

— Давай, Шершень, скорее!

Он спрыгнул с подножки, и мост снова дрогнул. Дрогнул и затрещал, чуть накренившись налево. Брёвна угрожающе стукнули.

— Быстро, быстро, быстро, Николай Петрович! — бросил я, отступая к берегу. — Мухой!

Идти было неудобно, лесовоз занимал практически весь мост, и Петрович переступал, хватаясь за прицеп, практически балансируя над водой. Упасть с этого моста было не страшно. Но гружёный лесовоз грозил стать настоящим курганом и обещал полный триндец.

Мост снова затрещал, и в том месте, где соединялся с дорогой, образовалась охрененная трещина. Петровичу оставалось сделать два-три шага.

— Давай, Шершень, прыгай! — крикнул я.

Он сообразил сразу. Оттолкнулся руками и ногами, постарался скакнуть на берег. Нога подвернулась, и он грохнулся, ударившись грудью о насыпь на краю. Вскрикнул, захрипел, и в тот же самый миг мост с невероятным треском и грохотом обрушился вниз.

— Давай! — заорал я, хватая его за руку и вытаскивая его наверх. — Скорее!

Мы рванули прочь, подлетели к фургону и обернулись. На то место, где мы были несколько минут назад, летели огромные тяжёлые бревна.

Наша команда прилипла к окну, с ужасом следя за нами. Шершень заметил, сразу подобрался, изобразил улыбочку.

Люба вылезла из машины с картой в руке. Подбежала, хлопнула его по плечу.

— Ты зачем мост сломал? — спросила она с усмешкой, но в глазах её ещё стоял испуг.

Из фургона вышли и Юля с Ирой.

— Держи, — протянула мне Ирина таблетку и бутылку с водой.

— Ты как? — тихонько спросила Юля...

— Нормально...

— Давайте вот сюда попробуем, — сказала Люба, водя пальцем по карте. — Смотрите, тут всего... сколько это, километра три-четыре? Да... тут есть деревня. Проедем через неё. А вот тут ещё одна.

— Нормальная дорога, — посмотрел я на карту. — Крюк, конечно, километров двадцать, но других вариантов я не вижу.

— А кто у нас каркал? — покачал головой Шершень. — А?

— Ладно, поехали в объезд, зато без мостов.

Мы загрузились в фургон и двинули по новому маршруту. За руль села Люба, а мы с Шершнем устроились на переднем сиденьи. Дорога была ровной и монотонной. Я задремал, но почти сразу проснулся. Дёрнул головой и открыл глаза. Люба резко затормозила. Перед нами блестела огромная лужа. объехать никак было нельзя.

— Мост нужен, — усмехнулся Шершень. — Чё делаем, Кум?

— Я пройду босиком по луже, — сказал я. — Посмотрю, прошупаю, что там и как, сориентируюсь. После этого примем решение. Слишком большая лужа.

Я вылез из кабины.

— Ты гонишь, Кум, — покачал головой Шершень и заржал. — А вдруг там крокодил? Схватит тебя за жопу, будешь знать.

— А какие ещё есть варианты? — пожал я плечами.

— Ну-ка, Любаша, дай-ка папка поведёт.

Он согнал Любу из-за руля.

— Нет, — сказал я. — Не стоит, Николай Петрович. У нас здесь техпомощи нет.

— Не очкуй, кум! — воскликнул Шершень. — А то мы и за неделю до Новосиба не доедем.

— Стой, я тебе говорю! — повысил я голос. — Не вздумай!

— Да харэ, Кум! — заржал он. — Я такие лужи преодолевал, когда ты ещё мамкину титьку сосал. Смотри и учись!

— Шершень, блин!

Он ухмыльнулся и рванул с места. Разогнался и на всём ходу влетел в лужу, вздымая фонтаны чёрных грязевых брызг. Уверенно поплёр дальше, поддавая жару и вдруг... Машина клюнула, проваливаясь ниже, и зарылась. Заревел двигатель, выплёскивая из-под низа струи воды, как древний колёсный пароход. Но с места фургон не сдвинулся...

Я выматерился и пошёл вокруг лужи.

— Топор бери и дуй сюда! — крикнул я. — Жерди пойдём рубить.

Шершень не сдавался — пытался качнуть назад, вперёд, назад, вперёд. Буксовал и зарывался всё глубже.

— Шершень, блин! Ты сейчас туннель к центру земли выроешь. Отставить! В натуре!

— Надо прицеп отцепить! — крикнула Люба.

Мы разулись и пошли возиться с прицепом. Отцепили, но не помогло. Проплясали часа два. Нашли деревья, нарубили жердей. Раскачивали, подкладывали, толкали. Вперёд. Назад. Хрен.

— Нужен трактор, — сказал наконец Шершень, когда обессилевшие и вымотавшиеся мы уселись на берегу лужи.

Люба взяла карту.

— Цыпанька! — усмехнулся он.

— Ох, кому-то попадёт за эту цыпаньку! — огрызнулась мокрая, перепачканная грязью Люба.

— Что там? Где деревни?

— Километра три-четыре по этой дороге, — махнула она рукой.

— Люба, остаёшься за старшую, — сказал я. — Сержант Прокудин на подхвате. Если что, два водителя у вас есть. Сидите в машине, лишний раз не выходите. Оружие держите наготове. Мы пойдём за трактором. Приедем, когда найдём.

Сержант, пытавшийся активно участвовать в освобождении фургона, лежал в траве. Ему стало хреново и доктора велели ему не дёргаться.

— Короче, мы погнались, — сказал Шершень. — Найдём там какой-нибудь трактор. Или «Урал». Вот пересели бы сразу на «Урал», щас бы никаких проблем не было. Ладно. Люба, жди меня, и я вернусь. Только очень жди.

Примерно через час мы зашли в деревню Хвосты и остановились.

— Идём тихонько, не шумим, не барагозим, — предупредил я. — Не стучим. Не топаем. Прикрываем друг друга на расстоянии. В одной руке нож, в другой пистолет. Стреляем в крайнем случае. Шухер не поднимаем.

— Кого ты учишь, кум? — прошептал Шершень, разглядывая лежащую перед нами улицу, заборы, бурьян, дома.

Не было видно ни людей, ни молчунов. Тракторов тоже видно не было. Тёплый вечерний ветерок шелестел по сухой грунтовке, гонял пылинки. Солнце покраснело. Вечерело.

— Не учу, Николай Петрович, — твёрдо ответил я. — Провожу инструктаж.

— Да понял я, понял. Шуметь не буду. Вон, смотри, видишь? — махнул он рукой. — Нам туда. Это знаешь чё? Пивзавод. Чуешь запах?

Действительно, ветерок принёс что-то хмельное, хлебное...

— Значит, там есть гараж. Трактор наверняка найдётся. А ещё там есть пиво, братан. Сейчас бы я засадил кружечку. Холодненького да нефильТРованного. Что скажешь?

Было жарко, по спине скатывались капли пота. Вились мушки. И да... кружечку холодненького...

— Скажу, что надо соблюдать тишину, — ответил я и кивнул, давая команду следовать к объекту.

Мы двинулись. Перед запертыми на всячий замок воротами лежало несколько аккуратно сложенных молчунов.

— Похоже, есть люди, — нахмурился я. — И это, скорее, плохо, чем хорошо.

— Люди — к войне, в натуре, — кивнул Шершень. — Раки — это к драке, Кум... А люди...

Он начал осматриваться, глядя под ноги.

— Чего ищешь, следопыт? — спросил я.

— А вот, — ответил он, наклонился и поднял из пыли согнутый ржавый гвоздь.

Из кармана он вынул небольшой перочинный ножик с несколькими лезвиями.

— В санчасти нашёл, — кивнул он, проследив мой взгляд и подошёл к замку.

Склонившись над замком, он поколдовал немного, засовывая в крупную скважину тонкое лезвие и гвоздь.

— Ну, вот, — хмыкнул он, после щелчка и снял замок. — Учись, пока я жив...

Шершень потянул створку ворот. Она заскрипела и поддалась. Мы постояли немного, разглядывая двор, и прошли в ворота.

— Всё своё ношу с собой, — сказал он и добавил. — Вход рубль, выход — два.

Мы пошли по внутреннему двору, осматриваясь и вглядываясь в окна небольших строений.

— Вон гараж, видишь? — кивнул Шершень.

Двор был засыпан соломой, будто её разнесло ветром. Или специально рассыпали. Чересчур равномерно...

— Скотину что ли держат? — хмуро прошептал он.

— Нет, — покачал я головой. — Был бы запах...

Мы медленно шагали, глядя по сторонам, всматриваясь в тёмные окна зданий. Двор был пустым.

— Что-то как-то слишком пусто, — сказал Шершень. — Стерильно...

— Николай Петрович, отойди немного, — кивнул я. — Не шагай след в след. Слышишь меня?

Я оглянулся, взглянув на него, и почувствовал, как под ногой стукнула металлическая крышка.

— Люк! — успел воскликнуть я, и в тот же миг железная дверь под ногами распахнулась.

Мы вместе с Шершнем полетели вниз и упали во что-то сухое и сыпучее.

— О, ячмень что ли... — проговорил он.

И в тот же миг послышался быстрый приближающийся звук. На нас летело трое молчунов....

Глава 3. Побег

— Твою мать! Падла! — воскликнул Шершень и в тот же момент выстрелил.

Звук получился такой, будто взорвалась охрентельная бомба. Он многократно отразился от стен, от потолка, от всего помещения и усилился. Обезумевший и дезориентированный Шершень пальнул ещё раз, не попал, бабахнул снова. Один молчун дёрнулся и упал назад навзничь в зерно.

В сумраке ничего не было видно. Свет поступал только через открытый люк. Ещё один молчун молотил руками, двигаясь в сторону Шершня. А тот на него не смотрел, пытаясь подстрелить второго. А второй, ударив скрюченной рукой и полоснув Шершня по груди, отбросил его назад.

Я взмахнул рукой и резко вонзил нож в висок ближайшего ко мне молчуна. А тот дальний, третий, уже набросился на Шершня, молотил руками и топил Петровича в зерно.

— Не стреляй! — крикнул я.

Молчун дёрнулся, услышав мой голос. Резко повернулся. Замер между двумя источниками звука.

— Не стреляй! — повторил я.

И тварь кинулась на меня, налетая прямо на выставленную финку развернутой пастью. Полилась чёрная вонючая жижа.

— Всё, Петрович, всё... Ты живой?

— Вот падла! В натуре! Это чё за... Моветон, блин! Кум! Живой я, живой! А ты?

— Ствол не потерял?

— Нет, вот он. Я тебя не зацепил?

— Не зацепил, — мотнул я головой.

— Слушай, я чуть не обделался со страху, — признался Шершень. — Капец, блин. Жесть, Кум, а у тебя шарики-то железные что ли?

— Нормально всё, Николай Петрович. У тебя тоже не ватные.

— Фу-у-у... Обтрухался весь...

— Тихо, — сказал я, нахмурившись, потому что в этот момент над нами раздались шаги.

Я приложил палец к губам.

— Эй! — донёсся немолодой голос снаружи. — Вы чё там бузите, молодёжь?

— Отец! — тут же отозвался Шершень. — Мы здесь, внизу. Помогите вылезти.

— Зачем шум-то такой подняли?

— Да провалились мы. Есть у тебя стремянка?

— Провалились, господа провальные, — засмеялся человек.

— Отец, — крикнул Шершень, — у тебя тут зверинец в натуре.

— Вы чё там зверьков моих постреляли?

— Так они нам чуть бошки не поотрывали!

— Батя, чё за хрень? — донёсся другой голос, помоложе.

— Чё за хрень? Времена такие, сынки. Эй, провальные, вы там всех положили?

— Троиш только.

— Ну их там трое-то и было. Значит, всех...

— Очистили тебе зерноток.

— Зерноток, — передразнил дед. — Молодцы. Этих зомбаков надо теперь вытаскивать. Он замолчал. И мы слышали удаляющиеся шаги.

— Эй, батя! — заорал Шершень. — Ты куда пошёл-то? Нас-то достань сначала!

— Зачем? — спросил он, вернувшись через пару минут. — Зачем мне вас доставать?

Спросил дед, но над ямой не показался.

— Как зачем? Мы тебе доброе дело сделали. Вытащи нас отсюда.

— Ну да. Я вас вытащу, а вы меня вальнёте.

— С чего нам тебя валить? Ты ж не упырь?

— С того, что вы разбойники. Сейчас такие времена, что только разбойники и шастают.

Сколько стволов у вас?

Я показал один палец.

— Один! — крикнул Шершень.

— А вас сколько?

— Двое.

— Ножи есть?

— Есть! — крикнул он.

— Давай, выкидывай в люк всю амуницию.

— Ты нас сам-то не загасишь?

— Не боись. Грех на душу не возьму.

Шершень бросил вверх ствол. Потом кинул свою финку и мою.

— Всё что ли? — крикнул дед.

— Всё, батя, вытаскивай.

Мужик снова пошёл прочь.

— Эй! — заорал Шершень.

— Не базлай! — одёрнул его дед. — За стремянкой пошёл.

Вскоре он действительно вернулся и наклонился над ямой. Лица его было не разглядеть.

— Кто такие? — спросил он.

— Беженцы, — ответил я.

— Куда бежите, беженцы?

— В Новосибирск. Там поселение для выживших.

— Для выживших? Смотрите-ка. А откуда сами-то?

— Из Ленинска.

— Из Ленинска? — переспросил он. — И что? Пешком, что ли, дошли?

— Да почему пешком-то? — ответил Шершень. — Ехали на машине, потом бензин кончился. На заправках молчуны кругом. Вот пошли посмотреть, можно ли тут у вас разжиться бензинчиком.

— Где машина-то?

— У моста.

— Так это почитай десять километров отсюда.

— Ближе ничего не было.

— Ну, ладно... Давайте, потихонечку. По одному, чтоб я руки видал!

Он отступил от ямы. Тут же вниз опустилась стремянка.

— Давай, Кум. Ты вперёд, я замыкаю.

Кряхтя от боли в ноге и в груди, я поднялся по лестнице. Дед стоял с двустволкой и держал меня на мушке.

— Вылезай, вылезай, — кивнул он. — Вставай вот здесь.

С другой стороны ямы стояли двое молодых, здоровых амбала. Небритых, заросших. Рожи были сытые, глазки маленькие. На парнях были майки-алкоголички. На плечах красовались татуировки.

— Давай, давай, чего стоишь? Выползай, касатик. Второй, тоже вылазь, не спи.

Лестница застучала, и из ямы появилась голова Шершня.

— Смотри-ка, какие путешественники, — хмыкнул дед и кивнул двоим из ларца одинаковым с лица. — Говорят, не разбойники. Только ты наружи их посмотри.

— Ага, ты, старый, сам в зеркало-то давно гляделся? — ощерился Шершень.

— Так, парни, встали ровненько...

Белобрысые держали в руках ружья.

— А чё за дела? — рассердился Шершень. — Батя, всё ж нормально.

— Не кипишуй, сынку. Всё шас проверим и отпустим, — хмыкнул дед. — Идите за мной.

В здание.

Подул лёгкий ветерок и принёс запах свинарника. Двери были сбиты из грубых досок, а масляной краской прямо на стене было написано: «Борька». Борька захрюкал.

— Так, встали. Руки в гору.

— Батя, ну ты вертухай в натуре, — усмехнулся Шершень, и в этот момент мне прилетело по затылку.

Долбануло со всей силы. Свет погас. Я отрубился.

+++

Когда я очнулся, болело всё. И грудь, и нога, и голова, и шея, и поясница. Воняло вообще жуть. Я пошевелился, пытаюсь понять, где нахожусь. Подо мной были грубые доски. Во рту стоял вкус металла и желчи. Всё пересохло, хотелось пить. Опустились сумерки. Я попытался подняться, застонал и захрипел. Нашупал что-то мягкое рядом, повернул голову. Это был Шершень. Он лежал с вывалившимся языком. Я толкнул его в плечо.

Он тихо застонал.

— Николай Петрович, — едва шевеля языком, проговорил я.

Тут же рядом кто-то захрипел и заорал, затопал.

— Свинья, — прошептал Шершень, открывая глаза.

Да, это был не молчун, а хряк. Борька. Он возмущённо и громко захрюкал.

— Сука, дед! — добавил Петрович. — Лопатой отоварили.

Пошатываясь и хватаясь за толстые железные прутья, я встал на ноги. Мы находились в клетке. Реально, в железной клетке, установленной в углу свинарника. Борька, услышав меня, заорал.

— Голодный падла! — проскрипел Шершень, тоже поднимаясь на ноги.

Поднявшись, я глянул в оконце, за ним можно было разглядеть только красное заходящее солнце.

— Охренеть, Николай Петрович! — скривился я.

— Вот и верь после этого людям. Да, Кум?

Он попытался сплюнуть, но не смог, во рту всё пересохло.

— Э-э-э! — заорал Шершень — Эй, твари конченые! Сюда!

В ответ раздалось лишь хрюканье и визг хряка. На двери клетки висел здоровый гаражный замок. Не классический висячий, а такой, со стержнем, вставляемым сбоку.

— Давай, Николай Петрович, покажи чудеса. Ловкость рук и никакого мошенства.

— Я тебе Остап Бендер что ли, замки ногтем открывать? Хоть бы проволочку какую...

Он обшарил карманы. Осмотрел даже пуговицы, но ничего подходящего не обнаружил.

— Глянь, что у тебя, — кивнул он. — Может, пинцет какой или булавочка? Хотя какая нахрен тут булавочка...

Он схватился за дверь и начал её трясти. Но сварена она была на совесть из толстых арматурных прутков, выкрашенных белой известью и с мощными петлями. Устав, он опустился на дощатый пол и привалился к задней стене, сложенной из шлакоблока.

— Ну-ка, Кум... — вдруг воскликнул он, подскочил и начал простукивать кирпичи. — Сейчас как в «Тайне замка Морисвиль» нажмём на кирпичик, и дверь откроется...

Не открылась.

— Сука, — прохрипел Шершень и снова уселся на пол. — Кум, ты мочу когда-нибудь пил?

— Слышь, Николай Петрович, чё за прихваты? Тюремные.

— Да ладно, — скривился он, — никого же нет. Только ты да я. И Борька. Да, Борька? Боров снова встрепенулся и заорал.

— Но ему веры нет, — помотал головой Шершень. — Продаст, тварь. Свинья в натуре... Слыш, Кум, я бы сейчас и мочи выпил. Только куда налить-то?

Солнце клонилось всё ниже, окрасив оконце в огненно-красный цвет. Сумерки сгустились, тянуло прохладой. Полетели комары и мошка. К нам никто не шёл. А Борька никак не мог успокоиться и орал.

— Голодная тварь, может и человека сожрать, — заметил Шершень. — Видал, какой здоровый?

— Это все сказки... — ответил я.

— Может и сказки. Только я своими глазами видел, как три такие твари Галямыча схомячили. Он, правда, шуплый был дрыщ, не то что мы с тобой...

Мы помолчали.

— Что делать-то, Кум? Гнилая ситуация.

— Да ладно, брат, — хмыкнул я. — Тебе ж не привыкать.

— Чего? — ощерился Шершень.

— Ну ты, я так понимаю, и бывал в ситуациях и похуже.

— Допустим, — недовольно сказал он.

— Я тоже, — кивнул я. — Раз сейчас мы с тобой ничего не можем предпринять, значит, надо экономить силы. Закрой глаза и спи. Потому что по утру, чую, они нам понадобятся.

Он помолчал, а потом крикнул:

— Борька, тварь, заткни пасть!

Ночь тянулась долго. Я постоянно просыпался, впадал в тяжёлое забытие и снова открывал глаза. Звенели комары, Борька возился всю ночь и, кажется, всю ночь бился, пытаюсь выбить дверь своего вольера. Похоже, запах еды не давал ему покоя. И он не давал покоя нам.

+++

— Ну что, касатики?

Дед пришёл поутру со своими белобрысыми молодцами. В руках у парней были ружья. А у деда — моя «Гюрза».

Мы сидели на досках, привалившись к прохладной стене.

— Поспали?

Мы молча смотрели на него. Состояние было, честно говоря, хреновым.

— Ну, вставайте! — Помахал пистолетом старый хрыч. — Сегодня у Борьки пир будет, как бы не обожрался с голодухи.

Парни заржали.

— Короче, не обессудьте, ребятки, — развёл он руками. — Времена такие, веры нет никому. Так что лучше чужаков держать под замком.

— Чего пожрать не дали? — спросил Шершень.

— Жратву по нынешним времена заслужить надо.

— Воду тоже?

— Воду сейчас дадим. Дадим. Не бойтесь, парни, мы вас тут держать не будем. Отпустим. Нам проблемы не нужны.

— Чего сразу не отпустили? — прищурился Шершень.

— Да кто ж гостя дорогого на ночь глядя со двора-то выпустит?

Они снова заржали, переглядываясь.

— Ладно, хлопцы, разговор такой. Нам надо сделать кое-что. Работу выполнить. Если сделаете, как надо, пойдёте своей дорожкой. Мы вам ещё лепёшек дадим на дорогу и водицы студёной.

— Мы выполним, а ты нас заколбасишь, старый, — усмехнулся Шершень. — Со своими парубками.

— Ну, тут дело такое, — крикнул старик и улыбнулся доброй, почти детской улыбкой. — Тут как? Только на веру принять. Гарантий дать не можем, мы ж не в банке с вами. Так что давайте, решайте. Можете сразу отказаться. И добро пожаловать в соседний вольтер. Мы хоть позабудемся малость, как те, римляне. Льва для вас нет, но Борька наш тоже не промах. Ну а если не хотите на тарелку к Борьке, придётся мне на слово поверить.

— Хорошо, — сказал я и поднялся. — Верим на слово. Других вариантов нет. Что сделать надо? Двенадцать подвигов Геракла?

— Не, только один, мил человек. Один. Да и какой там подвиг? Чепуха. Безделица. Пошлите.

Парни подняли ружья. Мы поднялись и стояли у дальней стенки. Смотрели, как они открывают замок. Дед кивнул.

— На выход с вещами.

Один из парней открыл дверь свинарника. Второй отошёл в сторону, контролируя нас и держа на мушке. Дед шагнул наружу. Действовали они грамотно, броситься и отобрать оружие пока не представлялось возможным.

— Давайте, давайте, хлопчики, сюда, — приговаривал старикан.

Нас провели через двор, вывели через ворота и подвели к отдельно стоящему гаражу. После ночи в свинарнике я с жадностью глотал чистый и свежий воздух. Перед гаражом на траве лежали две косы, вернее, два лезвия, переделанных так, что их можно было держать как сабли.

— Ну что? Как вам? — усмехнулся старик. — Берите, берите. Держите. Это вам.

— Зачем? — хмуро спросил Шершень.

— Да как? Что ж ты, на зверя с голыми руками пойдёшь? В общем так, ребятушки. Там, в гараже, засели три твари.

— Четыре, — сказал один из парней.

— Может, четыре. А может, пять. Не знаю. Сами увидите. Я думаю, три.

— А что ж вы их не перестреляли-то? У вас же ружья.

— Да больно они хитрожопые какие-то. И, опять-таки... чё патрон-то тратить? Пригодится воды напиться. На вас будет не жалко, если чё. Короче — убьёте упырей, всё, мы с вами в расчёте. Доведём до ворот и даже косы вам оставим. Идите на все четыре. Ну а если нет, тут уж как Господь рассудит.

— Ну ты, батя, фраер в натуре!

— Слышь ты, сявка! — резко разозлился дед. — Ты кого фраером назвал? Я таких как ты об колено ломал, когда ты ещё ссался под себя, ты понял?

— Ладно, — сказал я. — Мы пошли. Открывай ворота!

— Ключ в замке, — сказал дед, возвращаясь к обычному тону. — Давайте, братцы.

— Воды дай, — кивнул Шершень.

— Вон же, у ворот... Пей, сердечный.

Действительно, у ворот стоял здоровенный бидон с водой. Напившись, мы взяли клинки. Шершень поднял косу и помахал над головой.

— Сколько их там? — ещё раз спросил он.

— Вот потом нам и расскажете, сколько их там, — ухмыльнулся старик. — Давайте, давайте, касатики. Не тяните время. У нас ещё дел хренова туча сегодня.

— Так а в чём проблема? — удивился Шершень. — Давай дверь откроем, потопаем, похлопаем, поматюкаемся, молчуны повыскакивают, вы их и положите.

— Ну давай попробуем! — усмехнулся дед. — Открывай да матюкайся. Погромче только.

— Давно они там сидят? — спросил я.

— Триста лет, — кивнул дед. — Как давно? Сам-то подумай головой. Короче, или идёте туда, или идёте на корм Борьке. Давайте, парни, палите по ним, толку не будет.

— Всё, всё, идём, — сказал я и повернул ключ в замке.

Я снял замок и взял косу. К ней была приварена железная, неудобная рукоятка.

Шершень потянул створку ворот, она заскрипела и приоткрылась.

— Эй! — крикнул он в щель. — Молчуны, сюда! Эй!

В ответ не раздалось ни звука. Мы подождали. Я повернулся к старику и вопросительно посмотрел на него. Он ничего не ответил, только махнул рукой, давайте мол, заходите.

— А они там точно есть?

— Вот вы нам и расскажете.

Мы осторожно зашли внутрь. Шершень затянул бидон с водой и прикрыл створку.

— Чтоб не смущали, — тихо сказал он. — Походу, тут нет никого.

Я приложил палец к губам. Прищурился. Мы постояли, привыкая к полумраку. Войдя из солнечного утра в тёмный гараж, куда свет попадал только через узкие грязные оконца под потолком, поначалу почти ничего не было видно. Пахло машинным маслом, солярой.

Когда глаза привыкли, я рассмотрел маленький тракторок с бороной. На таком малосильном, конечно, хрен доедешь до лужи, да и хрен кого вытянешь. Чуть дальше стоял УАЗик-козёл с поднятой крышкой капота и разобранным двигателем. Передних колёс не было, вместо них были подставлены кирпичи. В дальнем углу находился небольшой прицеп, крытый брезентом, а за ним лежали бумажные мешки, чем-то набитые. Слева стояли канистры, штук пятнадцать.

— Ну и что будем делать? — негромко сказал Шершень. — Походу нету этих тварей...

И тут...

Сердце оборвалось, и меня холодом обдало.

Не успел он договорить, как из-за УАЗика вылетели два упыря. Две мрачные молчаливые тени! Они двигались молниеносно. Вжух! Вылетели, как ядра из пушки.

Я успел взмахнуть косой. Заточена она была неплохо. Я рубанул сразу по шее — и не сказать что как по маслу, но как сквозь перезрелый арбуз, с таким же хрустящим отвратительным звуком коса разрубила шейные позвонки летевшего на меня молчуна.

Х-х-русть... Голова его слетела с плеч, а тело, как тело обезглавленной курицы, расплещивая чёрную жижу из шеи, не останавливаясь добежало до стены и врубилось в шлакоблоки. Голова же ещё продолжала жить, двигая челюстью и вращая глазами.

У Шершня вышло не так гладко. Он тоже взмахнул косой, но не попал в шею. Его сабля прорубила плечо молчуна и застряла в кости. Теперь раненый упырь бил без разбора руками, пытаясь дотянуться до матерящегося Шершня. Тот удерживал его на вытянутых руках. Но это не могло продолжаться бесконечно. Молчун сорвался с крючка и бросился на Шершня. Он успел отступить, молчун пролетел вперёд, и вдруг раздался низкий дрожащий звук.

Молчун остановился. Я обернулся и замер. И похолодел.

Из-за УАЗика за нами наблюдал ещё один. Он действительно наблюдал, подёргивал носом, принюхиваясь, и следил за нами мутными глазами. Мутными, но не покрытыми белёсой плёнкой, как у первых двух. Это был альфач. Пахан, как называл их Шершень.

Недобитый молчун остановился, услышав этот звук, и резко развернулся. Медленно пошёл на Шершня. Он не молотил руками беспорядочно и хаотично, а просто развёл их в стороны и медленно, наклонившись вперёд, двинулся на него.

Стало тихо.

Шершень попытался уйти с траектории. Последовал ещё один звук, как будто альфач его корректировал. Молчун снова остановился. И вдруг, резко развернувшись, бросился на меня.

Я не успел толком подготовиться. Выставил вперёд свою косу. И тварь налетела на неё, напорвшись грудью. Ничего не чувствуя, он продолжал переть на меня, молотил руками, насаживаясь всё глубже на клинок. Я попытался сбить его с ног, резко надавил вперёд и толкнул

от себя. Но острый клинок прошёл глубже, а молчун продолжал рваться вперёд, нанизываясь на лезвие, и оно с неприятным скрипом прошло его насквозь. Он дёрнулся, проскальзывая ко мне вплотную. Его пасть оказалась в паре сантиметров от моего лица.

— Шершень! — рявкнул я и, бросив косу, отскочил в сторону.

Молчун резко обернулся к Шершню.

— Бей!!! — заорал я.

Шершень вонзил косу в башку уроду, и в тот же момент я увидел альфаха. Беззвучного, молниеносного, точного и разящего. Он кинулся на Шершню и начал буквально рвать его. Мне потребовалось несколько секунд, прежде чем я вырвал из груди убитого молчуна клинок и был готов рубить и колоть пахана.

Но он сразу отскочил в сторону и устоял на нас, щерясь и рыча, как настоящий волк.

— А-а-а, — простонал Шершень. — Оборотень, сска...

— Жив?

— А-а-а...

Он с трудом поднялся на ноги и стоял покачиваясь. Альфах медленно отступал, а мы медленно двигались к нему. Я вытащил из головы мёртвого молчуна второе лезвие и отдал Шершню.

— Чё будем с этим козлом делать? — прохрипел он.

Мы медленно и осторожно наступали. Альфах пятился. Пятился. Пятился. Дошёл до стены, прижался — и безо всякой подготовки бросился на нас. Широко разинув пасть, выставив руки, с рычанием и хрипом. Как вихрь, как ураган.

— В сторону!!! — успел заорать я, заметив, что Шершень поднимает меч.

Не хватало ещё порубить друг друга. Шершень отшатнулся, и я тоже. Но альфах успел ударить своими ручищами, и мы разлетелись в разные стороны, как кегли. Он промчался к воротам и, развернувшись, ощерился, глядя на нас. Потом медленно двинулся, готовясь прыгнуть в любую секунду.

Я схватил канистру и швырнул в него. Альфах резко отпрыгнул.

— Ну, чушок, — прошептал Шершень. — Ну, сучка... Ну, тварь конченная...

Я подхватил вторую канистру и снова бросил. Он припал к полу и снова попятился.

— Бросай ещё! — скомандовал я Шершню. — Прижимай к стене.

Канистр былодохрена.

— Не отходи от меня! — бросил я и подскочил к трактору.

К нему была прицеплена небольшая борона. Я наклонился и рывком поднял её, переводя в вертикальное положение. Она встала как шипастый щит. Или таран.

Я вскочил в седло. Ключ был в замке. Мотор несколько раз чихнул и завёлся с громким, как выстрел, хлопком. Повалил густой сизый дым, запахло перегаром. Альфах поднялся, глядя на меня, и медленно двинулся ко мне. Он явно готовился к броску. Я врубил заднюю, направляя шипы в сторону молчуна.

— С дороги, Петрович! — скомандовал я и зажал в правой руке своё лезвие, а левой подруливал, держа курс прямо на альфаха.

Похоже, громкий звук в закрытом пространстве всё-таки доставлял ему неудобство и дискомфорт. Его корёжило, он хрипел и рычал, но не решался прыгнуть. Я медленно, медленно приближался, загоняя его в угол. И когда пространства между нами почти не осталось, он, как загнанная крыса, кинулся на меня, а я резко вдавил газ и, сбивая его с ног, впечатал в стену.

Шипы пробили его тело, пригвоздив к стене. Он хрипел и не мог вырваться.

— Петрович, верёвку! — крикнул я, показывая здоровый моток, висящий на крюке.

Шершень мухой метнулся и принёс.

— Нахера?! — воскликнул он.

— Прødeвай!

— Ты чё, братан!

— Продевай! Сначала на голову петлю.

Отъезжая сантиметр за сантиметром от стены, мы примотали альфаха к бороне так, что он не мог сорваться, но продолжал дёргать руками и ногами.

— Чё за приколы, Кум? — с недоумением смотрел на меня Шершень.

— А ты как уходить собираешься? Думаешь, нас просто так отпустят эти уроды?

— А эта хрень как поможет?

— Иди сюда. Вот это что?

Мы подошли к бумажным мешкам у стены.

— Я откуда знаю? — пожал он плечами. — Фуфло какое-то.

— Селитра, Николай Петрович. Аммиачная селитра.

— И чё? Удобрение что ли? Мешки все разлезлись. Блин, Кум...

Действительно, похоже, мешки лежали здесь давно. Они несколько раз размокали и высохали, пропитываясь раствором селитры.

— Вылей воду и притащи бидон, — кивнул я и вспорол мешок косой. — Сейчас набьём его бумагой.

Я подошёл к стене, взял ещё моток верёвки. Поднёс к УАЗику, открыл крышку бака, понюхал. Пахло бензином. Запихал верёвку, дождал пока пропитается. Вытянул и засунул конец в бидон. Мы примотали бидон металлическим тросом к трактору.

— Ну что, к полёту готов? — кивнул я. — Спички надо.

Шершень кинулся искать. А я проверил все канистры и нашёл две полных. В них был бензин. Поставил их рядом с бидоном на трактор.

— Есть! — крикнул Шершень и принёс два коробка спичек и керосиновую лампу.

— Отлично. Ну всё, иди крикни к воротам, чтоб принимали подарок.

— Зачем?

— Пусть постреляют немного для хохмы, — усмехнулся я.

Я подвёл тракторок к воротам. Шершень прокричал про подарок, и я запустил трактор, зафиксировав руль и зажав педаль. Он ткнулся в ворота, те сразу распахнулись, выпуская наш привет наружу.

— Э!!! Чё за хрень!!! — заорал дед. — Вы чё там делаете?!

Раздался выстрел. Ещё один.

— Подарок!!! — крикнул я и повернулся к Шершню. — Спрячься!

Он отошёл за ворота. Ружья ещё пару раз шарахнули и замолкли.

— Бери косу, сейчас будем прорываться, — сказал я и чиркнул спичкой, поджигая пропитанную бензином верёвку. — Глянь, чё там?

— Подходят к пахану, — ощерился Шершень. — Абдула, поджигай!

Огонёк метнулся по шнуру.

— В укрытие! — крикнул я.

И в этот момент шарахнуло. Причём неплохо так шарахнуло.

— Погнали!

Рассчитывать на смерть врагов не приходилось. Но они должны были растеряться и выйти из строя хотя бы на короткое время.

Мы вылетели из ворот. Трактор пылал как факел. Старик с окровавленной башкой валялся на земле. Один из парней орал, закрывая глаза руками. Второй тоже тёр глаза, но был, кажется, в порядке.

Шершень бросился к нему и рубанул косой. Тот без звука рухнул на землю. Шершень добил и второго. Я вытащил из руки старика свой пистолет. Ружья были разряжены.

— Уходим! — скомандовал я. — Туда!

Мы рванули через двор, заскочили в ангар, где стоял грузовик, похожий на КамАЗ, только поменьше. Китайский.

— Как он заводится, падла... — проговорил Шершень. — Набрали всякого хлама, сука. Машина обиженно фыркнула, но завелась. Дёрнулась, и из крытого кузова донеслось жизнерадостное и бодрое звяканье.

— Капец, Кум! — победно заржал Петрович. — Пивас в натуре!

Он выгнал машину из ангара и пронёсся через двор. Вышиб ворота и вылетел на деревенскую улицу.

— Ты как, гражданин начальник? — весело спросил он. — Чисто Архимед! Красава. Живой?

— Живы будем, не помрём, — хмуро кивнул я.

Грудь горела огнём, боль была очень даже неслабой.

— Держись, скоро Ирка тебе колёсико подкинет, сразу полегчает. Не подсядь только на таблетосы.

Я не ответил, выбирая менее болезненное положение.

— Наши нас уж похоронили десять раз, наверное, — усмехнулся Шершень. — И тут мы такие с того света, да? Не прощай, а здравствуй, да? С машиной пива! Подфартило, Кум!

Он счастливо засмеялся и прибавил газу.

— Кажись, здесь! — радостно воскликнул Петрович, когда мы подъезжали к злополучной луже. — Кажись, за теми кустами, да, Кум?

— Кажись, — кивнул я. — Кажись.

Мы объехали заросли кустарника, подлетели к самой луже и эффектно затормозили. Бутылки в кузове зазвенели, возмутились.

— Не понял... — тихо проговорил Шершень.

Лужа была та же самая. Ветки и жерди тоже были теми же самыми. Только вот нашего фургона здесь не было...

Глава 4. Зона молчунов

Утро было тихим, солнечным и безмятежным. Небо сияло лазурью, дул лёгкий ветерок, шелестела листва. Звенящее лето. В стекло ударились муха и поползла слева направо.

— Ну так-то да... — сказал Шершень и замолчал.

Мы стояли на краю лужи, в которой вчера застряли. Он застрял, пытаясь проскочить с разбегу. Посадил фургон прямо посередине. И ни туда, и ни сюда, ни вперёд, ни назад. Ни жерди, ни ветки ничего не помогло. Казалось бы, ничто кроме трактора или вот такого грузовика, на котором мы ехали сейчас, не смогло бы вытащить наш Фольксваген «Транспортёр» из этого болота. Да вот только никакого Фольксвагена я здесь не наблюдал.

— Ты их видишь? — спросил Шершень и посмотрел на меня.

Я ничего не ответил. Посмотрел по сторонам — направо, налево, вперёд и даже назад, заглянув в зеркала. Потом молча открыл дверь и выпрыгнул наружу.

— Э! Кум! Ты куда? — крикнул он мне вслед.

Я прошёл по краю, внимательно осматривая траву, кочки и землю вокруг лужи, пытаюсь найти зацепку. Куда делся фургон? Жерди и ветки, которые мы вчера пытались подкладывать под колёса, плавали полузатопленными в грязной мутной воде. Но они не могли ответить на мой вопрос. Зато земля на грунтовке с обратной стороны лужи — с той стороны, откуда мы приехали вчера, — дала определённый намёк.

Я подошёл к краю воды и внимательно посмотрел на засохший земляной след, повторяющий рисунок протектора. Следов было четыре. Один мирный и вполне себе городской, скорее всего, оставленный нашим фургоном. Второй, злой, грубый, суровый, отпечатавшийся толстым слоем грязи, почти засохший, говорил о том, что здесь был какой-то тягач. Урал.

В воде и на «берегу», в стороне, куда уходили найденные мной следы, лежали тела молчунов с раздавленными головами. А у одного голова была не тронута, и он, раздавленный и вкатанный в грязь лужи, лежал неподвижно и только вращал глазами, глядя в небо.

Картинка просто...

Я повернулся к машине. Шершень оставался в кабине и не вырубал двигатель. Махнул ему рукой, мол, объезжай лужу, чтоб он снова не попёр напрямки. Он объехал по кочкам, по полю, там, где наш Фольксваген, конечно бы, не прошёл. Машина качалась, переваливалась, но ехала. Правда, звон бутылок стоял будь здоров.

— Чё? — крикнул Шершень, высунувшись из окна, когда подъехал ко мне.

— Вот, — показал я на рельефные отпечатки протектора. — То есть его дёрнули назад, судя по всему, и вот тут, видишь, чуть подальше, он, похоже, развернулся. Там заехал кормой в траву. Видишь след? Потом вырулил и поехал в ту сторону.

Я махнул в направлении к мосту, откуда мы и приехали вчера. Судя по тому, что это всё ещё не окончательно схватилось, думаю, не так много времени прошло. Наверное, всё-таки вечером или даже ночью.

— И кто их эвакуировал?

— Хочешь, чтоб я ответил?

— Да нет, я просто так размышляю.

— Понятно, — кивнул я.

— Не, ну а чё, Кум? Если их просто добрые люди дёрнули, как ты говоришь, несколько часов назад... Я бы чё стал делать? Я бы остался ждать. А ты?

— Возможно.

— Вот, — сказал он. — Они не остались. Ирка и Любка... да и Юлька тоже... сказали бы, будем ждать. Правильно?

— Возможно.

— Но они уехали. Значит, скорее всего, отъезд был не особо добровольным.

— Судя по всему, когда мы ушли, здесь появились эти твари, — сказал я, показывая на молчунов. — И тут появились какие-то добрые самаритяне, да? Не знаю, что тут было, но глядя на трупиков, можно предположить, что какая-то заварушка всё-таки состоялась. Правильно?

Шершень покачал головой.

— Ну? Значит, запрыгивай, Кум. Погнали.

— Погнали, — сказал я без особой радости.

В груди заныло. То, что говорил Шершень, действительно было правдой. Если бы их никто не принуждал, они бы, скорее всего, остались ждать нас здесь. А что их принудило? Обстоятельства? Или эти люди? Ни то, ни другое не предвещало ничего хорошего.

— Хорош стоять!

Я ещё раз глянул на лужу.

— Чё ты там высматриваешь?

— Смотрю, не оставили ли нам какого-то знака, — ответил я.

— Погнали, погнали в ту сторону, там не так-то много дорог, — нетерпеливо воскликнул Шершень.

Я осмотрел лужу квадрат за квадратом. Жерди, ветви, молчуны, размокшая картонная коробка. Ничего, что могло бы дать хотя бы какой-то намёк, куда двинулась наша группа.

— Погнали! Михась, сколько можно! Ну или стой здесь, а я поехал! — воскликнул Шершень.

Я посмотрел на него с удивлением.

— Что-то на тебя не похоже. Откуда такое желание спасать попавших в передрагу?

— Хорош уже лечить, Кум.

Я забрался в машину, сел на пассажирское место, и Николай Петрович рванул с места. Бутылки дружно зазвенели.

— Смешно будет, если пустые, да? — кивнул мне Шершень, пытаясь замаскировать своё волнение.

Но замаскировать его было сложно. Было видно, что у него в груди всё горело и он выжимал газ.

— Куда ехать-то? — приговаривал он. — Сука, сука, сука, сука. Тут дорог-то не так много. Но всё-таки, но всё-таки. Там у нас мост. А были ли какие-то перекрёстки?

— Будут, будут там перекрёстки и деревни, — кивнул я, пытаясь вспомнить карту, которую мы рассматривали вместе с Любой. — Но Хвосты, в которые мы с тобой попёрлись, они были ближе, чем в эту сторону. Ты смотри, сильно не рви, экономь. Соляра сейчас не везде имеется.

Шершень кивнул, но продолжал гнать, как сумасшедший. Примерно через полчаса он затормозил. Мы подъехали к перекрёстку.

— Откуда мы ехали-то вчера? — спросил он. — Оттуда?

— Нет, — сказал я и показал направо. — Мост там.

— И что? Куда сейчас? Прямо или налево? Не помнишь, что там-то?

— Ну, если сейчас повернём налево, это будет в сторону от Новосиба. Мы оттуда приехали. Там деревень поблизости не было.

— Не было...

— А если прямо...

— Погнали прямо.

— Ну погнали, — согласился я.

Поехали прямо, оказались ещё на одном перекрёстке. Антоново прямо, Семёновка налево, Стожки направо.

— Сука, — скрипнул Шершень зубами. — Иди следопыт, посмотри. Может, там следы найдутся.

Но дорога здесь была асфальтовая и следов никаких не было.

— Куда? — заметно нервничая, спросил Шершень.

— Давай направо, — сказал я.

— Почему?

— Потому что надо куда-то ехать.

— Сука! Сука! Сука! Ладно...

Он повернул направо. Дорога спустилась ниже, в лощину, в лес, в заросли и вдруг закончилась. Несколько деревьев было завалено прямо на дорогу. Справа стоял брошенный тягач с закрытыми дверями.

— Можем и убрать, — сказал поморщившись Шершень.

— Вряд ли они проехали здесь.

— Ну да. Тогда возвращаемся. Сука, почему карты нет в машине?

Карты в машине не было. Он медленно развернулся под аккомпанирующий звон бутылок. Поехал обратно.

— Куда теперь? Мы что, сейчас как в лабиринте кружить будем?

— Да, — сказал я. — Точно. Похоже на лабиринт. Давай вернёмся к луже.

— Чё? Ты чё, в уме?

— Я вот подумал, — сказал я, — совсем не факт, что они двинули в эту сторону...

Трактор...

— Что трактор?

— Смотри, сколько мы проехали. Вряд ли бы они попёрлись на тракторе на такое расстояние. Ты видел где-нибудь брошенный трактор?

— Нет.

— И я нет. Значит, трактор базируется где-то ближе.

Шершень замолчал и уставился на меня, прокручивая эту мысль.

— А что ты раньше-то не сказал?

— Хорошая мысль приходит апосля, — пожал я плечами. — Поехали обратно.

— Так если они в эту сторону, поворотов больше нет.

— Ну как нет? Мы же там проезжали какие-то просёлки.

— Там следов протектора-то не было, — подумал и добавил он. — Значит они вообще могли объехать лужу и рвануть в другую сторону.

— Петрович, в этом мире всё возможно.

— Сука, сука, сука. Чё же делать? Едем обратно?

— Едем. И внимательно смотрим.

— Заправиться надо...

— Давай заправимся. Заедем на заправку. Помнишь, мы вчера, заезжали в деревушку? Здесь, недалеко...

— Это крюк, — покачал головой Шершень. — А времени у нас и так в обрез. Их там может уж пришили всех.

— Не болтай чепуху, — сказал я. — На заправке может быть карта.

— Нахера тебе карта?

— Чтобы посмотреть, что находится рядом с этой сраной лужей.

— Тьфу! — сплюнул Шершень в окно, но повернул в сторону Сосновки, где мы вчера видели заправку.

Дорога заняла чуть больше получаса. Заехав на заправку, он остановился.

— Ну и чё? Попикать?

— Лучше покричать, — кивнул я.

Он высунулся в окно и заорал:

— Идите сюда, твари!

Молчуны ему не ответили и не вышли на призыв. Тогда он открыл дверь и выпрыгнул.

— Ты смотри, — крикнул я, пересаживаясь за баранку. — В магазине могут быть.

— Пошли со мной тогда.

Он подошёл к двери и постучал.

— Эй! — крикнул он.

В тот же момент дверь дёрнулась. Кто-то ударил изнутри. Ну, то есть, кто, было понятно.

— Есть! — крикнул Шершень, оборачиваясь ко мне. — Иди, Кум. Будем зачищать.

Я вышел, взял автомат и достал финку.

— Дверь вовнутрь открывается, — сказал я.

— Вижу. Блин. Если они скопились, хрен откроешь.

— Давай пни ногой.

— Сам пинай...

— Ну, давай...

Я повесил автомат на плечо так, чтобы можно было сразу стрелять. Положил палец на спуск, левой нажал на ручку двери и надавил вперёд. Возникло шевеление, и пришлось нажать с силой. Дверь чуть приоткрылась и в неё сразу рванула, ударила рожа молчуна с воспалёнными чёрными глазами, с кругами наростов, с пересохшими губами. Я чуть отпрянул и нажал на спуск. Раздался одиночный выстрел. Молчун продолжал рваться вперёд, пуля вошла в грудь. Тогда я отступил и снова выстрелил. На этот раз уже прицельно. Он как куль повалился в проход.

— Есть кто ещё? — спросил я и ногой открыл дверь пошире.

— Ладно, давай я тоже помогу, — проговорил Шершень, заметив гримасу на моём лице.

Нога ещё болела. Да и грудь, конечно, тоже.

Он, выставив пистолет, как киношный командос, шагнул внутрь. Я, проконтролировав улицу, шагнул за ним. Молчунов больше не было. Магазин был бедненьким, но карта, старая, пыльная, выпущенная много лет назад и до сих пор не проданная, нашлась.

— Живём, Кум! — обрадовался Шершень и начал хватать сладкие батончики, распихивая по карманам. Потом подошёл к стойке с энергетиками. Пшикнул, открывая банку, и жадно начал глотать.

У меня тоже в горле всё пересохло, и я тоже взял чёрную баночку с нарисованным огнём и осушил её в два глотка.

— Зарычал? — сказал Шершень. — Чувствуешь? Пошла силушка, да? Чувствуешь, как злобой накачиваешься?

Он набрал чипсов, печенья, вяленого мяса, сухариков, батончиков. Набил огромный мусорный мешок.

— Погнали, Кум! Ты за рулём, я за хавчиком! — хохотнул он.

Мы заправились и залезли в кабину. Срубали по три пакета чипсов.

— Кайф, да? — кивнул он. — Кум, красава, что на заправку решил заехать.

— Ты нафига сигарет столько набрал? — поинтересовался я, продолжая хрустеть чипсами. — Ты ж вроде не куришь.

— А ты вроде умный мужик, — усмехнулся он. — Но иногда как что-то ляпнешь, хоть стой, хоть падай. Не курю. И другим не советую. Да только... сейчас мир как зона. Не пятёрка, не дельфин а зона молчунов, в натуре. Сигареты на зоне — это что? Это валюта, Кум! Соображай! Держись меня! Со мной не пропадёшь!

Он усмехнулся и вскрыл батончик «Марс».

— Как эту лужу-то на карте найти?

— Найди Хвосты, — предложил я.

Он начал листать страницы. В общем, так или иначе, в радиусе нескольких километров от лужи, при том, что мы её определили на карте весьма условно, находилось пять деревень.

— Пять, Кум, прикинь! Чё-то ни знаков, ни хрена не было. Куда поедет-то? Все пять будем исследовать?

— Значит, будем исследовать все пять, — мрачно кивнул я.

— Блин... Ну, поехали тогда вот сюда сначала, да? К нам ближе. Крапивино... Я там бывал, кстати давным-давно.

Мы заехали в Крапивино, потом в Шумиху. Следов фургона нигде не было. Везде всё было одинаково. Пустые улицы, редкие молчуны, разлагающиеся трупы и тишина.

— Чё теперь, в Ховрино? — спросил Шершень.

— Да... Но, сначала вернёмся к луже.

— Зачем? Мы же всё проверили.

— Ты знаешь... Коробка...

— Чё коробка? — удивился он.

— Там плавала коробка.

— И чё?

— А вчера её не было. Значит, наши бросили. А зачем? Кто бы додумался просто так бросить в лужу коробку?

— Схавали тушёнку, вот коробку и выбросили.

Я хмыкнул.

— Может быть, может быть... Поехали, глянем ещё раз. Всё равно, в ту сторону теперь ехать.

Шершень покачал головой, но возражать не стал. Мы вернулись к луже и остановились со стороны, где до коробки было ближе всего. Я взял жердь, торчащую торчком из воды, подтянул к себе и зацепил коробку.

— Ну и чё там в коробке? Записка? — усмехнулся Шершень. — Только время теряем.

Я молча вынул её из воды и перевернул. На доньшке было написано: «Миша! РСУ в Прокопьево». Текст был сделан маркером. Картон расплзся, да и сама надпись расплзлась, но прочитать было можно.

Я молча показал дно коробки Шершню, и тот сразу стал серьёзным. Ухмылка мгновенно сошла с его лица, и он зашелестел страницами карты.

Никакого РСУ на карте, разумеется, не было. Но деревня была. И ехать в неё нужно было в сторону Хвостов. Вероятно, наши где-то свернули в другом месте. Была там заросшая травой дорожка, которая могла идти именно туда. В общем, мы рванули в Прокопьево и остановились на подъезде к деревушке.

— Надо идти на разведку, — сказал я. — Заезжать просто так, позвякивая бутылками, — не самая лучшая идея, мне кажется.

— Резонно, — кивнул Шершень.

Мы заехали в лесок, поставили машину так, чтобы не бросалась в глаза с дороги, и пошли пешком.

— Инвалид, ты дойдёшь вообще? — спросил он, прищурившись.

— Я ж не один, — подмигнул я. — Если что, донесёшь.

Он хмыкнул, но ничего не ответил. Мы двинули вдоль дороги по тропинке, вошли в лес и шли минут двадцать. А потом вдруг встали, как вкопанные. Лесок закончился, и перед нами открылась чистая площадка, обнесённая сеткой. Территория была достаточно большой. На ней был трактор, куча бытовых вагончиков и несколько дорожных машин.

— Ого! — присвистнул Шершень. — Просто так не подойдёшь...

— Пройдём по большому кругу по лесу, посмотримся, — кивнул я. — Чтобы не выходить на открытое пространство.

Он согласился. Мы зашагали по траве и бурелому. Из техники на площадке стоял «китаец» с кунгом, «буханка», небольшой экскаватор, грейдер и наш фургон. Лицо Шершня сделалось серьёзным и сосредоточенным. Мы притаились, стали наблюдать.

По территории разносились громкие голоса. Из вагончика вышли двое мужиков. Работяги в спецовках.

— А наши где? — нахмурился Шершень, и тут из того же вагончика вышел Троцкий. — О, гляди, Абрам! Не связан, вроде сам ходит. Глянь, тряндит с ними, коллаборационист, сска...

И в этот момент кто-то заорал:

— Ужин! Ужин!

— Блин... край непуганых идиотов... — прошептал Шершень. — Орут, не боятся... Жесть, Кум...

— Давай-ка мы с тобой пройдем вон туда, — показал я пальцем. — Подальше. Отсюда из-за вагончиков не видно ни хрена. А оттуда должен открываться вид на всю площадку.

Мы прошагали по краю посадки, продвинулись дальше и да, увидели навес, под которым стоял стол и котёл. А у котла стояла... Люба. Стояла и мешала в этом котле какое-то варево.

— Фига се! — протянул Шершень.

— Иди, — сказал я.

— В смысле, иди? — не понял он.

— Иди, Николай Петрович, тебе задание. Разведка боем. Если чё, я прикрою.

— Как ты один-то прикроешь? Иди ты, а прикрою я.

Я глянул на него, и он осёкся.

— Ладно, молчу, солдафон, блин...

— Давай, — показал я пальцем. — Обойди оттуда, отсюда не ходи. А я тут хорошенечко держу всех на мушке. Пык, пык, пык, если что, точно поработаю.

Навес был довольно большой, а стол длинный. Потянулся народ. Что именно говорили за столом, было не слышно, но всё выглядело вроде бы спокойно, без принуждения. Появились Юля, Ира и Леночка. Люба кашеварила. Комитетчика Прокудина я не увидел, но зато пришли семеро работяг. Интересное кино.

Я обустроил огневую точку. Несмотря на то, что всё выглядело достаточно мирно, особо расслабляться не следовало. Как говорится, видали мы разные виды и варианты...

Все набросились на еду. И в это время к сетчатому забору подошёл Шершень.

— Хлеб да соль! — громко крикнул он.

Работяги заметно напряглись, начали переглядываться. А наши все повскакивали с мест и бросились к забору. Заговорили враз, загомонили, что именно слышно не было, но обрадовались, это точно. Уже через минуту Шершня провели на территорию и подвели к столу. Оружия у него не было, но никто и не обыскивал.

Петрович что-то радостно говорил, а сам внимательно оглядывался по сторонам, осматривался. В конце концов он уселся со всеми за стол. Получил миску с ложкой и начал рубать похлёбку, которую наварил, судя по всему, Люба. Что-то сказал ей, она засмеялась. А он посмотрел в мою сторону и пожал плечами вопросительно. Типа, что дальше-то, Кум?

Он ел, а девушки наши не ели. Они его спрашивали. Наверное, спрашивали обо мне, о том, что с нами приключилось. Он махнул в сторону леса — туда, откуда пришёл. Поел, поговорил и пошёл обратно. Никто ему не препятствовал, не останавливал, хотя местные работяги переглядывались и смотрели на него с подозрением, он спокойно вышел с территории. Люба с Юлей побежали за ним, но он велел им остаться. И сам так же в круговую пришёл ко мне.

— Вроде всё путём, — удивлённо сказал он. — Работяги. Дорожники, строят тут что-то. Наши там сидели в луже. Приползли молчуны. Они забились в фургон. Потом эти нарисовались на УАЗике. Уехали за трактором, вернулись, дёрнули. Но сначала молчунов загасили.

Ну это мы с тобой видали. Ну и всё, если коротко. В фургон не лезли, я так понял. У них два охотничьих ружья и ещё там обрез что ли. В деревне, говорят, надыбали...

— Когда всё случилось? — спросил я.

— Да под ночь уже. Нас не было. Они типа сами с ними ушли. Хрен знает, я не понял пока, что к чему. Какая-то тема малость гнилая. Но, ты же видишь, никого там силком не держат. Про пиво я, кстати, не сказал.

— А что ты про нас сказал?

— Ну так, ничего особо не рассказывал пока. Сказал только, что попали в переплёт, но вырвались...

— Молодец, Николай Петрович.

— Я сказал, машина там, в лесу встала.

— А как мы их нашли, не спрашивали?

— Да нет ещё толком, не было разговора.

— А я где?

— Сказал, в лесу, сейчас приведу. Тоже особо не распространялся. Работяги вроде нормальные. Бригадир в порядке.

— Какие предложения?

— А какие? Забирать наших и ехать по первоначальному плану. Я так думаю.

— Пойдём к машине, — кивнул я. — Автомат припрчем поближе к лагерю на всякий пожарный.

— Типа, приедем к ним на тачке с пивом? — удивился Шершень.

— Нет. Перегоним поближе, спрячем получше. На всякий случай. Мало ли что.

— Ну давай. Согласен. Честно говоря, работяги малость напряглись, когда я пришёл... Мутноватые чуваки...

— Скорее всего, обычные люди, Николай Петрович, — пожал я плечами. — Не все же, как Коловрат, сразу в уродов превращаются.

— Сидят здесь, вагончики, техника у них. Странно, что никуда не дёрнулись. Чё сидеть-то? Говорят, типа, проехали по деревням, поняли, что надо пересидеть, переждать. Так уж считай неделя, сколько они переждать-то собираются?

В общем, мы подогнали грузовик поближе. Автоматы брать не стали, но пистолеты взяли.

— Давай, может, пивасик возьмём? — предложил Шершень. — Подогреть братву.

— Да ну нахрен, какой пивасик. Как ты его понесёшь? — возразил я. — Трезвость норма жизни.

— Ну ладно. Тогда мешок с заправки возьмём, чтоб не с голыми руками...

Мы взяли мешок и попёрли, как Деды Морозы на базу РСУ. Встреча была тёплой. Девчонки обрадовались, бросились ко мне, обнимали. Леночка подбежала.

— Мы думали вам конец, — сказала Люба, вытерев слёзы.

Я ничего не ответил, просто глянул на неё.

— До самой ночи вас не было, — шмыгнула она носом.

— Ну да, была там заварушка, — усмехнулся Шершень. — Небольшой кипиш. Пока выбрались, то, да потому, туда-сюда... Короче, приехали сегодня поутру — лужа есть, а вас в ней нет. Весь день окрестности прочёсывали.

— Я же оставила коробку... — нахмурилась Люба. — С запиской. Вы её нашли?

— Ага, — кивнул Шершень. — Не сразу только. Тысячу километров намотали, пока сообразили. Вон, Шерлок Холмс догадался.

— Почему не сразу-то? Она лежала, её сразу видно было. Камнем придавлена.

— Нет, — мотнул головой Шершень. — В пруду плавала. — Говорю же, хорошо, что Кум догадался посмотреть. Говорит, что за коробка, откуда она взялась? Там уже кое-как разобрали твои каракули, Любаш.

— Кто бы мог её сбросить в воду? — нахмурилась она. — Мы выбрались из лужи, я вышла, положила, камнем придавила.

— Вон тот дяденька... — неожиданно сказала Леночка и показала пальчиком на чувака, заросшего щетиной.

Мы с Шершнем посмотрели на него.

— Да мы думали вам кирдык, — развёл он руками. — А раз так, зачем кому-то знать, что у нас тут точка? Жратвы самим не хватает.

— А чё это нам кирдык? — нахмурился Шершень.

— Они сказали, что видели два свежих трупа мужчин в той стороне, куда вы ушли, — объяснила Люба.

— Да, видели, — подтвердил парняга. — Я лично подходил к ним. Свежие, в крови. Два мужика.

Мы переглянулись. Мы ничего такого не встречали...

— Не вы, — пожал он плечами. — Значит, повезло.

Подошёл солидный дядя в возрасте, седой, осанистый.

— Здравствуйте, — сказал он и протянул руку. — Алексей Кузьмич, бригадир.

Пожатие у него было крепким и сильным.

— Добро пожаловать к нам, — добавил он. — Рады, что вы оказались живыми и смогли нас найти. А то Анатолий видел двоих, как раз...

— Меньше народу, больше кислороду, — проговорил небритый кент и сплюнул.

— Толян, — оборвал его бригадир. — Что ты начинаешь? Людям и так не сладко пришлось!

— Да шучу я, шучу, — расплылся в улыбке Толян, сплюнул ещё раз и отошёл в сторону.

— Ну давайте располагайтесь, — сказал Бригадир. — У нас здесь есть банька походная. С местами на ночлег не так просто, но решим. Мы женщинам два вагончика отдали. Маму с дочкой отдельно, двоих отдельно, чтоб всё по уму. Поэтому вам вон там в конторе постелем. Там раненый ваш, как раз. А завтра покумекаем, что к чему.

— Да мы можем и все вместе, там места хватит. Если Ирина не будет возражать, — сказала Люба.

— Нет, конечно, — воскликнула Ира. — Какие возражения.

— Так чё спать, ехать надо, — сказал Шершень. — Зачем нам ночевать? У нас ведь маршрут.

— Вы в тот лагерь что ли? — спросил бригадир. — Ваши рассказывали.

— В лагерь, конечно, — кивнул Шершень. — Хотите, с нами давайте. Где комитетчик? Раненый наш там был, говорит, всё путём. Чё нам по вагончикам шкериться? Поедем, нормально. Да, девчата?

— Дорога-то не близкая, а время позднее, оставайтесь на ночь, — пожал плечами бригадир. — А завтра, если захотите, поедете. Сегодня поешьте спокойно. Ваши девушки нам еды дали.

— А вот, кстати, мы же ещё кое-что принесли, — усмехнулся Шершень. — Заправку бомбанули. Держите, парни. Это вам за гостеприимство. Только мы поедем всё же...

— Раненому бы лучше передохнуть сегодня, — сказал Эдуард, имея в виду Прокудина. — Что-то он не очень себя чувствует.

— Если хочет, пусть остаётся, — пожал плечами Шершень. — А вы почему не хотите туда? Это ж недалеко.

— Мы ещё не решили, — покачал головой бригадир. — Противоречивые сведения доходят. Были здесь трое из лагеря, говорят, там не всё так хорошо.

— И куда они делись? — спросил Шершень.

— Пошли в Верхотомск.

— Ну, это зря. Мы, как раз оттуда идём. Ничего там хорошего нет. И не будет уже.

— Да, — кивнула Люба. — Верхотомск на сегодняшний день — это смерть. Думаю, как и любой другой город.

Бригадир отвёл меня в сторонку.

— Где ваша машина? — спросил он.

— Да недалеко.

— У нас техника имеется. Можем притащить.

— В принципе, завтра можно и пригнать, — сказал я, понимая, что ночь, всё же, лучше провести здесь.

— Там у вас есть что-нибудь? Какие-нибудь запасы?

— Пиво, — сказал я ему прямо в глаза. — Хвостовское. Целая машина.

Он крикнул и провёл ладонью по шее.

— Об этом лучше пока не рассказывать, — тихонько сказал он. — На пиве далеко не уедешь, зато в мозг ударит будь здоров. Лучше без этого...

— Есть такое, — согласился я. — А у вас-то, я смотрю, с ресурсами слабовато.

— Особо не роскошествуем, — согласился он. — Техника есть. GSM впритык. На большие расстояния стараемся не ездить, экономим. По питанию... ну, кое-какие запасы были. Сельский магазин парни разгрузили. Но там мало всего было. Собираемся на коров охотиться. Они разбрелись, по округе ходят. Ружья охотничьи в деревне нашли.

— На коров ружьё не надо, — усмехнулся я. — А молчунов вообще что ли нет в округе

— В селе эти твари попадают, но здесь нас пока не беспокоят. Мы с ними худо-бедно научились справляться, но лишний раз не хочется встречаться. Патронов мало в запасе.

— А мирных граждан, вообще не осталось в селе?

— Может, и остались, да сидят по норам. Мы особо никого не зовём. В нескольких домах, правда, парни проверяли, запасы брали. Но там живых не было. По погребам там картошка прошлогодняя, соленья. Но надолго ли хватит, не знаю...

Он покачал головой.

— Так почему в государственный лагерь не идёте?

— Люди не хотят. Не верят.

— А мы идём туда. Спасибо вам большое, что выручили нашу группу.

— Да ладно, что там... Мы же люди. Нужно помогать друг другу. Даже если этот мир окончательно рухнет — это не повод превращаться в зверей. А про пиво не рассказывайте никому. У нас тут сухой закон. Не хочу открывать ящик Пандоры.

— Согласен, — кивнул я.

Мы вернулись к столу. Опускались сумерки.

— А чё, Кузьмич? — воскликнул тот самый нагловатый и развязный Толик. — Может, в честь гостей генератор запустим? Музыка, танцы, все дела?

— Анатолий, — развёл руками бригадир, — нам же горючее надо экономить. Давайте споем, вот и музыка.

— Да ладно, Кузьмич, чё? Дай хоть немножко иллюминации. А то задолбала уже эта жизнь походная. Костры, как у первобытных людей, баня по-чёрному. Правильно я говорю, мужики?

Он достал из кармана бутылку армянского коньяка и поставил на стол.

— Сегодня и повод есть, чё?

Бригадир напрягся.

— Это откуда такая роскошь?

— Оттуда, Кузьмич, мы ж мотаемся туда-сюда, добываем кое-чё. Вот. За знакомство-то не грех и хлопнуть.

— Нет, Толик, у нас в лагере алкоголь запрещён, — твёрдо сказал бригадир.

— Да ты чё? — усмехнулся Анатолий. — В лагере? В каком нахрен лагере? И кто запретил? Ты что ли?

— Ну вообще-то я, — нахмурился Кузьмич.

— А ты кто такой?

— Если ты забыл, я твой бригадир, — твёрдо сказал он.

— Да ну нах! Чё, правда, бригадир?

Работяги загомонили.

— И что ты мне сделаешь? — не сдавался Толик. — Уволишь меня? Ну давай, уволь. Перестанешь мне зарплату платить, да? А жрать-то ты чё будешь, если я картошки не принесу из соседского погребца, а? Ногу себе отрубешь и съешь?

Он заржал и народ подхватил его смех.

— Чё мужики? — гнул свою линию бунтарь. — Всё, прежние времена закончились. Или вы так и будете слушать этого пердуна? Это нельзя, то нельзя. Мы ведь люди! Мы человеки, ёпрст! Только люди — это не те, кто беспрекословно слушаются начальника, а те, у кого есть свободная воля и собственное мнение. Люди сами решают, что им делать. А те, кто привык только слушаться, вообще не люди, а скот. Лично я не скот! А вы за себя сами решайте!

Он вырвал с характерным звуком пробку из горлышка и плеснул себе в эмалированную кружку.

— Давайте! Кто со мной?

Все сначала напряглись, поглядывая на бригадира, но потом стали тоже подставлять кружки.

— Тише, тише, народ, не налегай. Гостям дайте!

Шершень отказываться не стал. И Люба тоже решила пригубить. Ирочка и Юля отказались.

В этот момент Толян поглядывал на Ирину и усмехался.

— Давай, чё ты, накати! Чисто, чтобы расслабиться. Будешь?

— Давай мне, — сказала Люба вместо неё и протянула кружку.

Началось оживление.

— Давай, Кузьмич, посудину, — кивнул Толян бригадиру. — Бригадир должен с коллективом идти, не отрываться!

— Давай, Кузьмич, жхни, — тут же подхватили остальные.

Он крякнул. Тряхнул головой и махнул рукой:

— Ладно. Но только один раз! И больше ни-ни!

— Да какой больше? Смотри, сколько человек, и всего один пузырьёк, — усмехнулся Толян. — Давай свою кружку. По-человечьи, Кузьмич. С коллективом!

Бригадир пошёл на попятную, а Толян взглянул на Ирину. Она смотрела в это время на Леночку. Он задержал взгляд, прошёлся по лицу, по шее, задержался на линии груди. Когда она оглянулась и заметила, что он её рассматривает, он ухмыльнулся и кивнул.

— А ты чё? — повернулся он ко мне.

— На антибиотиках, — сказал я. — Не могу.

— Ну смотри, — подмигнул Толян и повернулся к соседу.

Бутылка разошлась быстро. Вторая не появилась, и в принципе, напиток никто не напил. Так, сняли немного напряжение. Языки развязались. Появилась гитара. Мошка, комары, дым костра и яркие отблески огня, разведённого в мангале.

Всё отболит и мудрый говорит

Каждый костёр когда-то догорит

Ветер золу развеет без следа...

Пошли песни. Советские, таёжные, геологические, солдатские.

Нас с Шершнем окружили девчонки. Ирочка присела рядом.

— Мы страшно волновались, — сказала она тихо. — Анатолий сказал, что видел двух растерзанных мужчин как раз в той стороне, куда вы пошли. Это нас прям всех конкретно подкосило.

— Юля, правда, говорила, что не обязательно, что это вы, и надо оставаться рядом с лужей, ждать, когда вы придёте, — сказала Люба, и Юля, глянув на меня, улыбнулась. — А потом стали снова подтягиваться молчуны. Короче, мы с Ириной решили оставить записку. В общем, так всё и произошло...

— Ничего, — сказал я. — Записку-то мы нашли, так что всё хорошо, девочки, не беспокойтесь.

Юля незаметно пожала мне руку и улыбнулась. Ирочка тоже улыбнулась. И Леночка.

— Ладно, ребята и девчата, — сказал через некоторое время бригадир. — Пора спать. И не шумите сильно, чтобы эти твари не набежали.

— Иди, иди, отец, — кивнул Толик. — Мы тебя защитим, не волнуйся.

Бригадир ушёл, а на столе появилась ещё бутылка. Даже две. Разговоры оживились. Троицкий весь вечер сидел молча, поглядывая на работяг. Прокудин оставался в конторе, и Люба относила ему еду туда. К нему, собственно, и нас поселили с Шершнем.

— Пойдём, Николай Петрович, — сказал я, когда девушки ушли к себе. — Вставать рано.

— Ты иди, Кум, а я посижу с парнями малыша.

— Фига се! — заржал Толян. — Слышь, Шершень, а он чё, в натуре кум, что ли?

— Чё? — тяжело глянул на него Шершень.

— Ну как так случилось, что у тебя кум в братанах ходит?

— Чё? — нахмурился Николай Петрович.

— Как чё? Ты ж вроде правильный чувак, сидячий там, все дела. А тут кум... Интересно просто.

— Ты с какой целью интересуешься? А?

— Да так, чисто из спортивного интереса спрашиваю.

— Слышь, ты, спортсмен в натуре, с кого тут спрашивать решил? — напрягся Шершень.

— Да ладно, ладно, чё ты? Я ж по-пацански чисто. Любопытно стало.

— Любопытной Варваре на базаре вареник разорвали, — процедил Шершень и сплюнул себе под ноги.

Мужики заржали.

— Всё, я понял, Николай Петрович, — заржал и Толян, но в глазах у него промелькнула злоба. Лютая злоба.

Неловкость замаяли и пустили по кругу третью бутылку.

— Идём, Николай Петрович, — сказал я.

Мы пошли к своему вагончику, находившемуся на самом краю. Зато рядом с ним стоял наш фургон.

— Чё ты, Николай Петрович, завёлся? Зачем конфликт провоцировал?

— Чё, я, что ли, провоцировал? Ты видел этого шныря?

— Зачем ты бухать-то с ним стал?

— Ну ладно, надо же посмотреть, чем живёт, чем дышит народ. А как ты ещё узнаешь-то?

— Нам ехать надо, — сказал я.

— Поедем завтра. Главное, ночь пересидеть. Короче, будем дежурить. Ты спи, я покараулю. Потом разбужу и поменяемся. Лады?

Мы зашли в вагончик. Прокудин ворочался и постанывал. Я лёг на составленную из ступльев «кровать», застеленную брезентом. Было неудобно и жёстко. Шершень улёгся на топчан, забросанный тряпками.

— Сука, вот постель, а! — воскликнул он, взбивая тюк, положенный вместо подушки.

— Ты же дежуришь.

— Дежурить надо тоже с комфортом. Ладно, спи давай. Я долго дежурить не буду.

Я попробовал устроиться поудобнее. Стулья разъезжались. Можно было лежать только без движения. Было душно, тонко и противно звенели комары.

— Тебе комарё не мешает? — спросил я тихонько.

Шершень не ответил. С его стороны раздалось ровное дыхание, очень быстро превратившееся в храп.

— Дежурный, твою мать, — усмехнулся я и слез со своего ложа.

Лучше было бы устроиться в машине. Ключи были у меня, мне их отдала Люба. Я поднялся, отгоняя комарё. Натянул кроссовки и вдруг замер. Показалось, что кто-то ходит. Я тихонечко подкрался к окну и выглянул, чтобы не быть замеченным. За фургоном мелькнула тень.

Ночь была лунной, безоблачной, тихой. Работяги угомонились, по крайней мере, звуки их голосов стихли. Я постоял немного у окна, встав сбоку, чтобы не быть видимым снаружи. И вдруг увидел человека. Это был Толян. Он вышел из-за фургона, посмотрел по сторонам, глянул на окно нашего вагончика. Меня он не заметил.

Толян подошёл к задним дверям фургона, подёргал ручку, обошёл, подёргал пассажирскую дверь и боковую. Всё было заперто. Несколько раз обошёл вокруг фургона, потом приблизился к нашей бытовке. Прислушался, и вдруг появился в окне. Приложил руки к стеклу и вытянул шею, пытаясь разглядеть, что у нас происходит.

Петрович выдавал рулады. Прокудин метался во сне. Меня Толян не заметил. Постоял несколько секунд и отошёл. Ещё раз глянул на фургон и, сунув руки в карманы независимой походочкой, пошёл обратно к центру лагеря.

Я вышел из конторы, аккуратно притворив дверь, чтобы не хлопнула, и двинул прогулочным шагом следом за Толяном, не выпуская его из виду. Луна светила ярко, была ещё низкой и крупной. Так что света вполне хватало.

Он остановился у вагончик Ирины. Приложил голову к двери и прислушался. А потом тихонечко постучал. Снова послушал. Ира не открыла. Тогда он постучал ещё раз. Чуть громче. Она, вероятно, что-то спросила. И он тихонько что-то сказал в ответ. Я подошёл ближе, он меня не видел.

— Да для дочки, — сказал он. — Ты не подумай ничего такого. Чисто дочурке твоей сладенького подогнуть хотел.

Ирина что-то сказала.

— Завтра-то с утра я уеду. Так сейчас хотел отдать... Ну так, патрулировать. Вдруг ещё кто застрял? — засмеялся он. — Из лужи надо выдернуть бедолагу?

Он подошёл к окну.

— Не, здесь окно не открывается, — кивнул он. — Да дверь приоткрой, я тебе отдам, и всё. Да я на тебя смотреть не буду.

В этот момент он заметил меня. Напрягся. Повернулся.

— Чё, Кум? — ощерился он. — Не спится что ли?

— Не мне одному, — кивнул я. — Только не припоминаю, чтоб у меня был такой кум по имени Толик.

— Ну надо же, — сказал он.

— Ага. — Я повернулся к двери. — Ириш, как дела?

— Нормально. Леночка проснулась.

— Чё ж ты, Толик, детей по ночам будишь? — прищурился я. — С шоколадками своими. Дети по ночам спят.

— А ты, я смотрю, грамотный, про детей много знаешь. Да, Кум?

— Выходит, что так, Толик, — сказал я с нарочито добродушным видом. Давай спать...

— Ты что ли будешь мне рассказывать, когда спать? — шагнул он ко мне.

— Могу, если нужно, — пожал я плечами, глядя на него прямо в упор.

Он прищурился, но обострять не стал. Сплюнул на землю, сунул руки в карманы и в развалочку пошёл к своему вагончику.

— Вы как там? — тихонько спросил я через дверь.

Повернулся ключ, и дверь открылась. Ирина была в длинной футболке. Босая.

— Нормально, — сказала она и замолчала, а потом добавила. — Хорошо, что ты живой.

Она привалилась к дверному косяку и смотрела на меня. А я стоял и просто смотрел на неё.

— Ладно, — сказал я через какое-то время. — Пойду, может усну.

— Спокойной ночи, Миша, — тихо сказала она и мягко улыбнулась. — Рёбра-то болят?

— Да уже меньше вроде. Не обращаю внимания.

— Если заболят приходи, обезбол ещё есть, — кивнула она.

Ночь я провёл в фургоне. Не спал, охранял добро. Странно, что вчера ночью ничего не распотрошили... Хотя, если прибыли под утро, не до того было...

Утром все поднялись рано. Завтракали в полседьмого.

— Чё в такую рань-то все повставали?, — недовольно проговорил Толян, подкатывая развалочку к столу. — А чё тут, картошка с тушёной опять? Шикуюм. Кто успел приготовить?

— А вон Любаня, — ответили ему.

— Любовь и голуби, — усмехнулся он, оглядывая Любу с ног до головы.

— На прощание вот решила вам сготовить, — усмехнулась она.

— Вы чё, линияете что ли?

— Ну да, едем в новосибирский лагерь.

— А чем вам наш-то лагерь не угодил? — скривился Толян, разглядывая Любу.

— Госструктура, — пожал плечами она. — Там армия, медицина, порядок. Так надёжнее.

Шершень молчал, следил за Толяном тяжёлым взглядом.

— Мы тебе и здесь надёжность устроим, — сказал тот. — Оставайся с нами. Будешь нашей царицей.

Он заржал.

— Смотри, какие у тебя здесь рыцари, все как на подбор. Кроме Кузьмича, конечно. А у вас-то чё? Одни инвалиды.

Шершень положил алюминиевую ложку на стол. Толян поймал его взгляд.

— Ладно, ладно, ты чё, Петрович? Не напрягайся. Ты-то не инвалид, единственный красавчик. Тоже оставайся, чё. Любви хватит на всех.

Шершень оскалил зубы.

— Я про свою любовь к ближнему. Чё ты кипишуешь-то?

— Толик, перестань, — одёрнул его бригадир.

— О, видали? — ухмыльнулся Толян. — Старый за мной палит. Слышь, старый? Ты варежку прихлопни. Я тебя увольняю. Теперь я буду бригадир.

— У вас есть транспорт, — сказал я Кузьмичу. — Вы можете ехать с нами. Кого-то одного, двух можем взять к себе в фургон. Если всей группой решите, будем двигаться кортежем.

— Кортежем! — заржал Толян. — Да нахрен вы нам сдались, кортежники?

Работяги заржали.

— Шас прям, мы в какой-то лагерь государственный пойдём. Ага. Это вам не привыкать, да, Шершень?

Шершень уже едва сдерживался.

— Ладно, чё ты гипнотизируешь, Петрович? — не унимался Толян. — Чё я сказал-то опять такого? Вам вообще не угодишь. Ладно, всё. Давай, Любана, дай мне напоследок. Да не жадничай!

Он выдержал многозначительную паузу и загоготал.

— Вот видишь, Анатолий, напился вчера, теперь голова болит с похмелья, болтаешь всякую ерунду, — сказал бригадир.

— Варезку прикрой свою! — резко рыкнул Толян, будто хлыстом щёлкнул. — Хочешь, с ними езжай.

Люба подала ему полную тарелку, и он заткнулся, уткнувшись в миску.

После завтрака мы начали собираться. Прокудин за ночь немного оклемался.

— Вчера ему хуже было, — сказала Ирина, осмотрев его и поменяв повязку. — Сегодняшняя цель настроиться на поправку.

— Нормально всё, — проговорил он, облизывая сухие губы. — Настроимся, если надо...

Шершень сел за руль, Люба — на переднее сиденье, а я стоял снаружи, контролируя посадку группы. Работяги собрались рядом. У двоих из них я заметил охотничьи ружья.

— На охоту что ли пойдёте? — кивнул я.

— Пойдём, — хмыкнул Толян. — У нас хавчика не густо. Мы тут последний хрен с луком доедаем, а они едут на государственную дачу. А у самих автобус ломится жратвой, да? И в чём прикол? Дали с барского плеча две коробки тушёнки. Шибко ли наглые гости пошли? Чё скажете, пацаны?

Работяги загомонили.

— Успокойся, Анатолий, — воскликнул бригадир. — Отойди.

— Ну-ка, Серый, воткни ему ствол в жопу, чтоб не лез, — хохотнул Толян, кивнув чуваку с ружьём. — Давай, давай, чё ты?

— Приглашаю вас с нами, Алексей Кузьмич, — сказал я бригадиру. — Я серьёзно.

— Да как я своих ребят-то оставлю, — твёрдо и непреклонно ответил он. — Поезжайте сами. Если что, возвращайтесь потом. Но я с ребятами...

— Да нахрен ты нужен ребятам? — заржал Толян. — Давай, шуруй, Старый, а то тебя не прокормить. Ты жрёшь за пятерых.

— Нет, без меня тут непонятно что будет, — сказал он. — Вы извините, пожалуйста, Анатолия. Сами понимаете. Ситуация напряжённая, все на нервах, дефицит продукции. Он парень хороший...

— Чё ты извиняешься? — накинулся на него Толян. — Они нам обязаны, а ты ещё будешь прощения просить? Чё за херня, пацаны? Пусть делятся хабаром своим.

— Анатолий!

— Правильно, правильно, — кивнул я. — Без проблем, парни. Спасибо вам за помощь и гостеприимство.

— Во, видишь? — усмехнулся Толян, радуясь, что одержал победу в переговорах. — Сечёт, чё к чему. А то, гляди-ка, мешок с шоколадками всунули, с чипсами сраными. А сами другой хавчик хомячат. Да, Кум?

Я молча забрался в фургон. Он сам подошёл и открыл заднюю дверь. Я только головой качнул, поднял коробку тушёнки и протянул ему. Он развернулся, кивнул, и один из мужиков сразу подскочил и принял.

— Давай, давай, разгружайся, — усмехнулся он и потянулся ещё за коробкой.

— Ты палку-то не перегибай, — сказал вдруг Прокудин, наблюдавший за этим из глубины фургона.

— Опаньки! Раненый очухался! — заржал Толян и потянул к себе ещё одну коробку тушёнки.

— На этом всё, — сказал я, позволяя взять тушёнку.

— Серьёзно? Это уж, наверно, не тебе решать, Кум. Это вот чё такое?

Он потянулся к ящику в котором лежали два калаша.

— Слышь, Кум, это тоже давай сюда, — сказал он и показала на спальник.

— Возьми, — ответил я.

Он наклонился вперёд и вдруг замер.

— Э, чё за нахер... — прошептал Толян.

В руке у меня был пистолет, и его ствол упёрся ему прямо в лоб.

— Э! — повторил он. — Чё за ерунда? Парни, ну-ка...

— Вот такая ерунда, Толян, — сказал я и щёлкнул предохранителем.

В наступившей тишине щелчок этот прозвучал самым убедительным предупреждением.

— Э! Кум! — ощерился Толян. — Ты чё? По-свойски. Пошутили, да и всё.

Прокудин передёрнул затвор автомата, спрятанного до этого под вещами.

— Да, — кивнул я. — Точно, братан. Пошутили и всё. Благодарим вас за приют и за хлеб-соль. Желающих принимаем на борт.

Толян обернулся на парней с ружьями. Но шансов у них не было. Это даже он понимал.

— Ладно, — сказал он. — Ладно, парни. Ладно. Может, ещё повидаемся. Любаны, Иришка, не скучайте. Если что, знаете, где нас найти...

— Поедем, — ещё раз предложил я бригадиру.

— Нет, теперь точно нет, — сказал он.

— Зря. Зря, Алексей Кузьмич. Ну, как знаете.

Толян пристально смотрел на уазик, стоявший неподалёку.

— Толик, ты мальчик большой, а дурак, — сказал я. — У нас здесь стволов больше, чем у вас у всех пальцев на руках и на ногах. И мы уже таких, как ты, повидали. У нас целый ящик скальпов. Понял, да, к чему я говорю?

Он сплюнул под ноги, развернулся и пошёл.

— Газуй, Николай Петрович, — скомандовал я и захлопнул заднюю дверь.

Люба разложила карты и работала штурманом. Шершень рулил, а я сидел на полу на спальном мешке, привалившись к борту фургона. Кемарил.

До Новосибирска оставалось меньше двухсот километров.

Мы заехали в деревню, где вчера разжились шоколадками, залили полный бак и погнали вперёд на Новосиб. Остановились только один раз в чистом поле, сделали короткий привал и дальше мчались без остановок.

В Новосибирск не заезжали. Большой город сейчас был полон опасностей. Сразу погнали вдоль Оби, туда, где находился лагерь.

— За плотиной, — сказал Прокудин. — Практически сразу.

Туда мы и двинули. Вскоре дорога стала шире, а потом мы выехали на шоссе. На обочинах стали появляться брошенные машины. Кое-где стояли молчуны, поворачивавшиеся в нашу сторону. Кое-где молчуны брели маленькими группами, и везде лежали трупы людей и молчунов тоже.

— Могли бы почистить, — качал головой Шершень. — Где он, этот лагерь? Где этот град осиянный? Ведь рядом уже где-то...

Мы поднялись на пригорок, и Шершень затормозил.

— Вот он... — проговорил он.

Сверху с холма открывался вид на низину. Лагерь лежал перед нами. Холм был высокий, поэтому разглядеть, что там внутри, было нельзя. Но огромная стена находилась прямо перед нами.

— Вышки как на зоне, — сказал Шершень и показал пальцем на три вышки.

— Там КПП прямо по курсу, — проговорила Люба.

— Чёт никакого движения не заметно. Вертолёты походу у них там...

— Ну а какое вам движение? — сказал Эдуард Борисович, привставший со своего места и подавшийся вперёд к кабине.

Он вытянул шею и всматривался в очертания лагеря.

— Главное, что стена есть и она крепкая.

— А вокруг молчунчики с косами стоят, — хмыкнул Шершень. — И тишина.

Люба хмыкнула.

— Главное, что нашли, — вздохнула Юля. — Кажется, задача минимум на ближайшее время выполнена. Честно говоря, немного грустно...

— Почему? — спросила Ирина.

— Потому что пути наши расходятся...

— А максимум? — спросил Шершень. — Какая задача максимум?

Юля хмыкнула и едва слышно пропела:

Вот перед нами лежит голубой Эльдorado

И всего только надо опустить паруса

Здесь наконец мы в блаженной истоме утонем

Подставляя ладони золотому дождю...

— Юлька, не ожидал от тебя про золотой дождь, — хохотнул Петрович и повернулся к салону. — Ну что, братья и сестры, едем что ли? Или ну его нафиг? Кум! Командуй! Как скажешь, так и будет.

— Давай, Николай Петрович, — скомандовал я. — Полный вперёд.

— Ну, погнали, — сказал он и нажал на газ.

Через пять минут мы остановились перед КПП.

— Что за хрень? — тихо проговорил Шершень.

Никто не ответил. Все мы смотрели на вход в новый, безопасный и полный оптимизма мир... Подул ветер, и створка ворот заскрипела и медленно открылась...

— Чё за... — прошептал Шершень.

Впереди по дороге, ведущей в центр лагеря двигалась стайка молчунов...